

МИРА ВЛАДИ

ЛАВКА
ПРОКЛЯТЫХ ВЕЩЕЙ
ДЛЯ
ПОПАДАЮЩИХ

Мира Влади

**Лавка проклятых
вещей для попаданки**

«Литнет»

2025

Влади М.

Лавка проклятых вещей для попаданки / М. Влади — «Литнет», 2025

Проснуться в гробу? Не самое приятное начало дня, особенно если ты вдруг оказываешься в теле леди Иветты — девушки, которую сестра столкнула с лестницы, чтобы выйти вместо неё замуж за какого-то там проклятого герцога. Теперь я торчу в фэнтезийном мире, где меня то хоронят заживо, то собираются сжечь на костре, а моя «милая» сестричка уже примеряет МОЁ свадебное платье! ♀#Замуж? Нет, спасибо. ♀#Титулы? Скучно. Проклятия? Окей, это хотя бы интересно... Вместо того, чтобы маршировать к алтарю, я предпочла сбежать в «Лавку Теней» — жуткое местечко, полное древних артефактов, тёмных заклятий и проклятых вещей. ♀#Этот мир думает, что я просто нежная фиалка. Он ещё не знает, как ошибается. Теперь у меня есть: ✓# Тело знатной леди (спасибо, Иветта!) ✓# Характер, который сводит людей с ума ✓# И доступ к магии, о которой здесь давно забыли... ☆☆

Содержание

Что здесь происходит?!	5
Милая сестрица	8
Визуалы	10
С глаз долой	11
Это кто сейчас говорил?..	14
Грибо-революция!	18
Пора и в люди выйти!	23
Интересная старушка...	26
Месть за коробку	29
В это время герцог...	32
Свадьба отменяется	35
Пора навестить несостоявшуюся невесту!	37
Иветт против грибов	40
Первая продажа!	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Что здесь происходит?!

Я очнулась с самой адской головной болью в жизни.

Глаза были закрыты, потому что открыть их — означало признать, что я проснулась. А я не подписывалась на такую ответственность!

Воздух вонял ладаном, а вокруг гудели голоса. Не весёлые, как у моих бывших коллег, спорящих, кто спёр степлер, а мрачные, будто я вломила на чьи-то похороны.

– Какая трагедия, – шептал кто-то гнусаво, с наигранными всхлипами. – Леди Иветта, ушла так рано.

– И не говорите, – подхватил другой, с голосом, будто он пробовался на роль главного злодея. – Подумать только, она должна была стать женой герцога Каэля. Проклятый союз, разрушенный самой судьбой...

Стопэ. Жена? Герцог? Проклятый?

Мой мозг зажужжал, как вентилятор в моем старом ноутбуке, пытаюсь переварить информацию. Я не Иветта. Я Аня, 27 лет, бывший офисный планктон, ныне профессиональная бездельница, которая смотрела фэнтезийные драмы, пока... о, нет.

Последнее воспоминание — скользкий пол в подъезде и мой эпичный полёт головой вниз. Я что, умерла? И попала в какой-то средневековый сериал?

Голоса не затыкались, игнорируя мой внутренний кризис.

– Говорят, её сестра, леди Лирейн, займёт её место. Уже готовится к свадьбе. Какая стойкость!

– Стойкость? – пробормотал кто-то еле слышно. – С лестницы её спихнула, вот и вся стойкость. Эта Лирейн — змея подколотная.

Я распахнула глаза. И сразу пожалела.

Во-первых, потому что прямо над моим лицом маячил тип, похожий на помесь священника с профессиональным плакальщиком. Он размахивал кадилом так, будто пытался изгнать из меня целую армию демонов.

Во-вторых, потому что я лежала в гробу. Не на больничной койке, где по идее должна была оказаться, и даже не на диване в своей однушке. А в роскошном дубовом ящике, обитом бархатом, в платье, которое, судя по всему, стоило как небольшой замок.

Храм вокруг был весь в свечах, готических арках и витражах, а толпа — в дорогих мантиях паялилась в пол, будто боялась встретиться со мной взглядом.

Я резко села, чуть не запутавшись в подоле платья.

– Простите, ЧТО?! – рявкнула я, и мой голос отразился от стен, как в дешёвом ужастике.

Толпа ахнула, будто я только что станцевала на алтаре. Дама в шляпе с перьями и бриллиантами размером с голубиное яйцо сложилась, как карточный домик, грациозно упав в обморок, а гнусавый мужик уронил платок, явив лицо, похожее на картошку, которую забыли в погребу.

– ОНА ДЫШИТ! – завопил кто-то, явно претендуя на премию за очевидность.

– Ага, без вас бы не разобралась!

Я выбралась из гроба, чуть не навернувшись из-за этого дурацкого платья с миллионом слоёв.

– Это что за цирк? Почему я в ящике? И почему тут воняет, как в магазине ароматических свечей после погрома?

Священник, тощий старик с бородой, как у дешёвого волшебника, вцепился в свой амулет и забормотал:

– Изыди, нечистый дух! Здесь не место некромантии!

– Некромантии? Серьёзно? Я просто хочу знать, почему меня хоронят заживо!

Я отряхнула рукава, пытаюсь не выглядеть как человек, который только что вылез из гроба. Толпа была в панике: кто-то молился, кто-то рванул к выходу, а один парень в углу просто жевал хлеб, будто пришёл на бесплатное шоу. Он мне нравился.

– Леди Иветта?! – выдохнул молодой парень, глаза которого чуть не выпали из орбит.

– Ага, типа того, – буркнула я, начиная соображать.

Память Иветты, или как там её, всплывала обрывками. Я теперь Иветта фон Дарнелль, старшая дочь графа, которую вчера «трагически уронили» с лестницы. А сегодня, судя по всему, решили закопать без лишних вопросов.

Да уж, я, конечно, была знакома с феноменом попаданства, но никогда не думала, что это будет что-то настолько реальное и применимое конкретно ко мне. С этим, определенно, нужно будет еще разобраться. Но для начала...

Я повернулась к толпе, уперев руки в бедра.

– Так, давайте по порядку. Вы все думали, что я умерла, и вместо того, чтобы проверить, дышу ли я, сразу засунули меня в гроб? Это что, теперь так принято?

Картофельнолицый мужик кашлянул.

– Ну, леди Иветта, вы были... очень неподвижны. А леди Лирейн сказала...

– Новость для всех: я жива! – не став дослушивать его бубнеж, вскинула я руки. – И где же моя горячо любимая сестра, о которой вы все так трепитесь? – спросила, оглядывая толпу.

Все замерли, как будто я попросила их оплатить налоги.

– Леди Лирейн... не смог присутствовать, – деликатно ответил священник, явно мечтая провалиться сквозь землю.

– Потому что она готовится к свадьбе! – выкрикнула рыжая служанка с задних рядов.

– Молчи, дура! – зашипела на неё какая-то старуха.

Я медленно растянула губы в улыбке.

– Интересно. Значит, пока меня тут «хоронили», Лирейн уже примеряет мою фату и репетирует клятвы?

Толпа зашептала. Священник закашлялся.

– Ваша светлость... вы же... умерли. Герцог получил письмо от вашего отца...

– Которое написала Лирейн! – снова влезла служанка.

Боги, я готова была её расцеловать.

Память Иветты услужливо подкидывала факты. Я была обручена с герцогом Каэлем фон Бэком — тем самым, которого проклинали ещё в детстве. И которого ни разу не видела.

Ходили слухи, что он то ли оборотень, то ли вампир, то ли просто очень неприятный тип. Иветта его побаивалась, но втайне была заинтригована — её дневник, который я теперь помнила, был забит набросками черепов, драконов и подозрительно романтических сердечек.

Лирейн же с детства завидовала всему: моему статусу, моим платьям, которые она вечно «одалживала». А вчера, когда я спускалась по лестнице, кто-то толкнул меня в спину. И, судя по всему, это была не случайность...

Я повернулась к священнику, который выглядел так, будто хотел спрятаться за алтарём.

– Хорошо. А где же тогда сам жених?

– В... в замке, – промямлил он. – То же готовится к... э-э... завтрашней свадьбе.

Я ухмыльнулась.

– Отлично.

В моей старой жизни я была Аней — жила в крохотной квартире, работала в душном офисе, где начальник засекал, сколько минут я провожу в туалете, а величайшим карьерным достижением было не заснуть на планерке в понедельник утром. Просто же достижением — то, что я не угробила кактус за полгода. А теперь?

Я в теле Иветты, в фэнтезийном мире, где моя сестра пыталась меня убить, чтобы украсть моё место невесты, которой суждено было стать супругой проклятого герцога. И знаете что? Я была решительно настроена не профукать этот подарок судьбы!

Я выпрямилась, расправила плечи и зло посмотрела на толпу.

– Слушайте сюда. Раз уж я жива, я собираюсь разобраться со всей этой чертовщиной. Кто-нибудь знает, где здесь можно нанять свободную карету? Мне нужно домой.

Милая сестрица

Я стояла на ступенях храма, пылая праведным гневом, как дракон, которому наступили на хвост. Толпа глазела на меня, будто я только что объявила себя королевой зомби.

– Ну? – рявкнула я. – Ответит мне кто-нибудь? Или мне пешком топать до замка?

Люди отшатнулись, как от чумной. Кто-то даже перекрестился, а дама в перьях, которая только-только очнулась от обморока, снова начала оседать. Священник забормотал что-то про «нечистую силу», а молодой парнишка, судя по его одежде, чей-то паж, который минут назад чуть не потерял глаза от удивления, спрятался за колонной. Даже парень с хлебом в руках перестал жевать и смотрел на меня с опаской, будто я могла призвать молнию или, того хуже, попросить у него кусок булки.

– Нет, ну вы серьёзно? – я закатила глаза. – Ладно, разберусь сама.

Я спустилась по ступеням, подол платья волочился за мной, как хвост обиженного павлина. На улице бурлил город: торговцы орали про свежую рыбу, лошади фыркали, а кареты сновали туда-сюда. Я заметила одну с гербом — вроде бы наш, с каким-то вычурным орлом. Кучер, лысоватый мужик с лицом, будто он всю жизнь жевал лимоны, курил трубку и явно не собирался никуда ехать.

– Эй, ты! – ткнула в него пальцем. – Это карета дома Дарнелъ?

Он лениво глянул на меня, поперхнулся дымом и чуть не свалился с козел.

– Л-леди Иветта?! Вы же... померли!

– О, поверь, я очень даже живая и очень злая. Вези меня домой. Сейчас же.

Кучер побледнел, но спорить не стал. Видимо, перспектива везти «воскресшую» госпожу пугала меньше, чем мой взгляд, обещавший неприятности. Я забралась в карету, которая пахла старой кожей и чьим-то одеколоном, и мы покатали по булыжникам.

Пока город мелькал за окном, я пыталась собрать мысли. План был прост: доехать до дома, переодеться из этого погребального кошмара во что-нибудь более удобное и не такое претенциозное, принять ванну, потому что я пахла, как церковный склад, и разобраться с Лирейн. Желательно без рукоприкладства, но это как пойдёт.

Дома — а точнее, в огромном особняке с колоннами и статуями и маленьким фонтанчиком в виде журавля перед входом, меня встретила тишина. Ну, почти.

Слуги, завидев меня, разбегались, роняя подносы и швабры, а одна горничная завизжала и спряталась за гобелен. Что неудивительно, слухи о моей «смерти» просто не могли не разлететься.

Проигнорировала хаос, направившись наверх, в покои Иветты, которые, судя по памяти, были где-то на втором этаже.

Там я и нашла Лирейн.

Она стояла перед зеркалом в моём свадебном платье — белоснежном, с кружевом и жемчугом, которое, честно говоря, выглядело как мечта любой невесты даже из моего мира. Лирейн крутилась, напевая что-то слащавое, и поправляла фату, явно уже представляя себя герцогиней.

Её русые волосы были уложены в сложную причёску, а на лице сияла улыбка, которая могла бы растопить лёд. По крайней мере, до того момента, как она заметила меня в дверях.

– Иветта?! – фата слетела с ее макушки, а улыбка сменилась выражением, будто она проглотила лимон. – Ты... ты же...

– Сюрприз, сестрёнка! – я скрестила руки, прислонившись к косяку. – Неплохо выглядишь в моём платье. Решила, что раз я «умерла», то можно прибрать к рукам не только герцога, но и мой гардероб?

Лирейн побледнела, но быстро взяла себя в руки. Её глаза сузились, и она шагнула ко мне, всё ещё держа в руках подол платья.

– О, сестрица, ты не понимаешь! Это всё ради семьи! Герцог ждёт невесту, и я просто... взяла на себя твои обязанности. Ты же была так слаба, так больна...

– Больна? – я расхохоталась. – Ты спихнула меня с лестницы, Лирейн! Это не болезнь, это покушение!

Она фыркнула, но её щёки покраснели.

– Не драматизируй! Ты упала, а я... я просто воспользовалась моментом. Герцог Каэль — моя судьба! Он никогда не смотрел на тебя так, как на меня. Я создана для него!

– О, правда? – я шагнула ближе, и она невольно отступила. – Герцог никогда не приезжал в наше графство, чтобы иметь возможность вообще на кого-либо из нас посмотреть. Очнись, Лирейн! Можно подумать, что это ты, а не я свалилась с лестницы, хорошенько приложившись головой.

– Ты ничего не понимаешь! – прошипела она. – Почему ты вообще... здесь?!

– А в чем проблема? Не рада «выздоровлению» собственной сестры? Или боишься, что я всё расскажу герцогу?

Отца специально не упоминала, уже зная, что он, после гибели матушки, слишком сильно погрузился в управление графством, чтобы уделять какие-то толики внимание своим дочерям. Даже самой Иветте иногда казалось, что он не заметил даже бы то, если бы пропали обе. Что и и объясняло его отсутствие на моих «похоронах».

Лирейн вдруг взвизгнула и бросилась на меня, целясь ногтями в лицо, как какая-то фурия. Я была готова — спасибо той паре уроков самообороны в спортзале из прошлой жизни. Поймала её запястья и оттолкнула так, что она шлёпнулась на кровать, отчего подол ее платья задрался и она смешно барахталась пытаясь подняться.

– Хватит, Лирейн, – сказала я, нависая над ней. – Прошлой Иветты больше нет. Та, что терпела твои выходки, осталась на той лестнице. Я не она. И знаешь что? Можешь забирать своего проклятого герцога. У меня другие планы на жизнь.

Она замерла, глядя на меня, как на сумасшедшую. Потом вскочила, чуть не порвав платье.

– Да как я его заберу?! – её визг переходил на ультразвук. – Если ты жива, герцог обязан взять в жёны старшую дочь! Таковы традиции! Ты не можешь просто отказаться!

– О, ещё как могу, – ухмыльнулась я. – Только прекрати орать, как бешенная. Бери своего Каэля, его проклятье и его жуткий замок. Я тебе его официально уступаю. Но если он узнает, что ты сделала, не жди, что я буду тебя прикрывать.

Лирейн задохнулась от возмущения, её лицо стало пунцовым.

– Ты... ты не посмеешь! Я уже всё спланировала! Я буду герцогиней, а ты... ты никем!

Я пожала плечами.

– Зато живой и свободной. А ты наслаждайся своим «счастьем» с мужиком, которого боится половина королевства.

Я развернулась и вышла, оставив Лирейн в истерике посреди комнаты. Мой гнев всё ещё кипел, но теперь он был холодным и острым, как клинок. Я собиралась принять ванну, переодеться во что-то менее... гробовое и разобраться с фактом того, что я оказалась в другом мире.

Лирейн хотела герцога? Пусть забирает. А я? Я найду своё место в этой фэнтезийной саге, и оно точно будет покруче, чем роль жены какого-то проклятого аристократа.

Визуалы

Привет, дорогие читатели! Надеюсь, вам понравится эта история, полная магии, юмора и приключений. Если вам нравится то, что я пишу, поддержите меня — добавьте книгу в библиотеку ## и поставьте лайк ##. А теперь переходите к визуалам и погружайтесь в мир магии и интриг!

Иветт

Ее подлая сестрица Лирейн

С глаз долой

Я захлопнула дверь за спиной, оставив Лирейн визжать в одиночестве, и пошла искать свободную комнату. Этот особняк был размером с небольшой торговый центр, так что найти пустую спальню оказалось несложно. Я выбрала одну с окнами на сад, без лишних позолоченных статуй и гобеленов с унылыми рыцарями. Внутри пахло лавандой, а не ладаном, что уже было победой.

Первым делом — ванна. Горничная, которую я поймала за шторой (бедняга чуть не умерла от страха, увидев «воскресшую» госпожу), организовала горячую воду и мыло, которое пахло, как цветочный магазин. Я содрала с себя погребальное платье, чувствуя себя, будто сбрасываю кожу, и нырнула в лохань. Горячая вода смыла запах храма и часть моего раздражения.

Пока я отмокала, память Иветты подкидывала детали: она любила книги, терпеть не могла вышиванье и мечтала увидеть мир за пределами этого душного графства. Ну, хоть в чём-то мы с ней совпадали.

Переодевшись в простое платье — розовое, без кружев и корсета, в котором можно было дышать, — я почувствовала себя почти человеком. Никаких шпилек, никаких юбок размером с парашют.

Я собрала волосы в небрежный пучок и уже собиралась поискать что-нибудь съедобное, как снизу донеслись крики. Не просто крики — целый хор, будто кто-то устроил митинг в холле.

Я спустилась по парадной лестнице, той самой, с которой меня «случайно» спихнули. Внизу, у дверей кабинета отца, толпился народ. Слуги, какие-то дальние родственники, священник из храма, размахивающий кадилом, как дубиной, и Лирейн, которая орала так, будто её лишили короны. В центре всего этого хаоса стояла незнакомая тётка в чёрном, с лицом, как у вороны, которая явно мечтала кого-нибудь заклевать.

— Это происки нечистой силы! — вопил священник, брызгая святой водой во все стороны. — Её надо изгнать! Дух вселился в тело леди Иветты!

— Она не должна выйти замуж за герцога! — визжала Лирейн, ткнув в меня пальцем. — Она же умерла, теперь это мой долг! Заставьте ее исчезнуть!

— Сожгите её, ваше преосвященство! — неожиданно рявкнула вороноподобная тётка, и толпа ахнула. — Воскресшая без божьего благословения — ведьма!

Я закатила глаза, внутренне содрогаясь от ужаса. Что ж они все здесь дикие-то какие?

— Серьёзно? Может, сразу инквизицию вызовем?

Толпа притихла, и тут из кабинета вышел отец Иветты — граф Дарнель. Высокий, с сединой на висках и усталым взглядом человека, который явно предпочёл бы быть где угодно, только не здесь.

Он посмотрел на меня, нахмурился и подошёл ближе, будто проверяя, не мираж ли я. Его взгляд скользнул по моему простому платью, растрёпанным волосам и, видимо, выражению лица, которое кричало: «Мне всё это надоело».

— Иветта, — сказал он тихо, но так, что все заткнулись. — Ты в порядке?

— Физически? Да, — ответила я, скрестив руки. — Морально? Не совсем, учитывая, что меня похоронили заживо, а теперь вот предлагают поджарить.

Он слегка поморщился, будто от зубной боли. Видимо, понял, сколько напрасно угрожал денег на похороны человека, который отказался умирать.

— Давай продолжим разговор в кабинете, — твердо проговорил он, мазнув взглядом по собравшимся людям. — А вы все расходитесь. У нас здесь не проходной дом.

Толпа ахнула, будто я предложила продать замок и открыть таверну. Лирейн выпучила глаза, а тётка-ворона открыла рот, но ничего не сказала.

Только оказавшись за закрытыми дверями кабинета, в которой просочилась и вездесущая сестрёнка, отец принялся вглядываться в меня более тщательно, будто бы видел впервые.

– Ты так выросла... – произнес он задумчиво, будто бы принимая для самого себя какое-то решение. – Раз уж всё обошлось, чего ты хочешь, Иветта?

Я выпрямилась. Это был мой шанс. Иветта, может, и молчала бы, но я — не она.

– Я не хочу замуж за какого-то проклятого герцога. И на костёр, разумеется, меня тоже не тянет. Я хочу учиться. Хочу свободы. Хочу жить так, как сама решу, а не как велят традиции.

Лирейн фыркнула. Отец же посмотрел на меня так, будто я только что заговорила на эльфийском. Потом он устало вздохнул, прошёл к столу в кабинете и взял лист бумаги с печатью.

– Хорошо, – сказал он, и в его голосе было что-то среднее между раздражением и любопытством. – Пока мы не разберёмся с этим... хаосом, и раз ты так жаждешь свободы, можешь отправиться вот сюда.

Он протянул мне бумагу.

– Сделай с этим местом что-нибудь полезное, и я подумаю о твоём «образовании».

Я взяла лист, но не успела ничего спросить, как он подошел к двери и позвал служанку.

– Передай собравшимся, чтобы держали языки за зубами. Никому ни слова о... возвращении моей старшей дочери. Это ясно? – его взгляд остановился на Лирейн. – А ты иди в свои покои и готовься к свадьбе. Герцог ждёт невесту, и, похоже, это будешь ты.

Лирейн вспыхнула, но вместо возражений показала мне язык, как пятилетка, и гордо удалилась, шурша юбками.

Судя по шуму и шепотком, остальные, нехотя разошлись, покидая коридор и бормоча что-то про «скандал» и «проклятья».

Я осталась с отцом наедине.

– Что это за место? – спросила я, глядя на бумагу. Там был адрес и название: «Лавка теней».

Отец криво усмехнулся.

– Старая заброшенная лавка, где торгуют... скажем так, проклятыми вещами. Пыльная, забытая, полная странностей. Похоже, тебе там самое место, раз ты такая... необычная.

Я моргнула. Проклятые вещи? Это что, теперь я из попаданки превращаюсь в хозяйку магической барахолки?

Но в груди загорелся азарт. Лавка, полная тайн, звучала куда интереснее, чем замужество с герцогом, который, судя по слухам, мог быть кем угодно — от монстра до просто токсичного типа.

– Договорились, – сказала я, сжимая бумагу. – Я разберусь с этой лавкой. Но вы обещали подумать об образовании.

Отец только махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху.

– Иди, Иветта. И постарайся больше не отвлекать меня от работы.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как гнев сменяется чем-то новым — предвкушением. Лирейн могла забирать своего герцога и его проклятье. А я? Я собиралась превратить эту «Лавку теней» в нечто эпичное. И, может, заодно и хорошенько подзаработать на свою новую жизнь.

Лавка травницы. Дайте поспать, граф!

Мария Ким

Аннотация к книге "Лавка травницы. Дайте поспать, граф!"

Дар жизни здесь — это проклятье для носителя. И я, попав в чужое тело, теперь вынуждена скрываться от преследователей в заброшенном доме травницы.

 Но по ночам в мою дверь ломятся странные люди и требуют излечить их. А наутро бесследно исчезают,

как и граф, грозящий мне выселением!

 Вот только я купила этот дом на последние деньги и переезжать мне некуда. А с ночными гостями я разберусь и дом восстановлю, не будь я Лирель Аструм!

<https://litnet.com/shrt/gSaR>

Это кто сейчас говорил?..

Назвать этот день удачным было бы сродни утверждению, что мой несостоявшийся супруг, герцог Каэль, — душа компании и любимец детей.

Ближе к вечеру, когда солнце медленно сползло по небу, окрашивая окна тёплым янтарем, я всё же вернула себе свою комнату. Лирейн, не издав ни звука, но испепеляя воздух взглядом, покинула её, будто вытесненная заклинанием. Видимо, решила, что продолжать истерику ей не на руку. Вдруг решу остаться?

Комната, хоть и была теперь моей, всё ещё хранила отпечатки прежней хозяйки: щедро расставленные флаконы с духами, аромат которых был слишком сладким и приторным; занавески, настолько изящные, что казались неспособными защищать даже от вечернего света, не говоря уже о чужих взглядах.

К счастью, в интерьере не нашлось ни одного унылого гобелена с рыцарем, героически держащим копье и скуку в равных долях. Вид из окна выходил на сад — и это было единственным бесспорным достоинством помещения.

Порывшись в шкафах и сундуках, я быстро осознала две вещи: во-первых, здешняя мода будто создана для наказания, а не для жизни; во-вторых, ни одного чемодана, сумки, мешка или хоть сколько-нибудь приличного саквояжа не наблюдалось.

Пришлось импровизировать. Огромная простыня с цветочными узорами превратилась в котомку, достойную персонажа бродячей ярмарки.

— И как только можно жить в мире, где каждое платье — это добровольная пытка? — пробормотала я, извлекая из груды тканей наряд, в котором даже вдох вызывал тревогу за рёбра.

Я собирала вещи не по принципу «подходит ли к глазам», а исходя из более насущного: «не задушит ли меня это при первом шаге».

В котомку перекачали два удобных платья (без бантиков и кружев), изношенные ботинки, выдавший «многое» плащ, немного белья и несколько украшений, которые, как я надеялась, можно будет обменять на еду или крышу над головой.

Отец ограничился словами, герцог — отсутствием, а мне категорически не улыбалось закончить свою новую жизнь в качестве голодной бродяжки.

Когда я, притягивая за собой свернутую в узел простыню, вышла из комнаты, особняк будто вздохнул от ужаса. Один слуга выронил веник, словно встретил призрака, которого сам же и вызывал. Девушка с подносом замерла, превратившись в воплощение ступора. А мальчишка в углу, поймав мой взгляд, поспешно перекрестился и метнулся за колонну, словно за ней был портал в мир без воскресших невест.

Ну что опять началось-то? Неужто они прибегают сюда только для того, чтобы изобразить первобытный ужас? Как тараканы при включенном свете, ей богу...

— Да-да, всем доброго вечера от воскресшей меня, — бросила я, не притормаживая шага. — Чего ж вы родственников не привели? Сегодня акция дня: могу провести экскурсия в преисподнюю совершенно бесплатно. Кто со мной?

Желающих не нашлось.

Прочем, как и тех, кто бы добровольно вознамерился меня проводить.

Лирейн, что и следовало ожидать, тоже предпочла театральное равнодушие. Я заметила, как её силуэт мелькнул за окном на верхнем этаже. Мы встретились взглядами лишь на мгновение: я — с насмешкой, она — с отвращением. В следующую секунду занавес дёрнулся, и окно оглушительно захлопнулось.

Карету подала та самая горничная, которая вчера первой чуть не стала жертвой сердечного приступа при виде меня. Сейчас она держалась за свой передник, как за меч в бою, — с белыми костяшками и молчаливой мольбой, чтобы всё это скорее закончилось.

Транспортное средство оказалось соответствующим случаю: не извозничья роскошь, а ветхий экипаж, будто вытасченный из хранилища ненужного имущества, которое стыдно сжечь, но и показывать приличным людям опасно.

Колёса поскрипывали, как старческий сустав на перемену погоды, а сбоку кто-то мелом начертал когда-то герб — теперь еле различимый.

Отец не вышел. Впрочем, чего я ожидала? Его интерес к дочерям был всегда условным, как обещания на семейных ужинах. Наверняка он в своём кабинете, согбенный над бумагами, с пером в пальцах и чаем, давно ставшим холодным. Дел у него — вагон и маленькая повозка. Я туда не вхожу.

Не устраивая драматических прощаний, не склоняясь к театральным жестам, я взобралась внутрь и, устроившись поудобнее на засаленном сидении, пробормотала:

– Прощай, обитель высоких потолков и низких душ. Ноги моей больше здесь не будет.

Карета, нехотя скрипнув, тронулась. Сперва медленно, лениво переваливаясь с боку на бок, будто бы обдумывая каждый метр пути. За воротами она вдруг ускорила, словно кучер боялся, что я передумаю и решу выпрыгнуть прямо на ходу.

Несколько поворотов — и стало ясно: путь наш ведёт вовсе не в сторону городской местности. Мы ехали не по главной дороге с ее ровными мостовыми, а по узкой, разбитой тропе, где кочки прятались в густеющих сумерках, а колёса прыгали по ним, будто в панике.

Кучер, насупившись и втянув шею в плечи, сидел на козлах, будто собирался с ними слиться, стать частью повозки и в таком виде кануть в небытие. Его губы, беспрестанно шевелящиеся, извергали ругательства с мрачным усердием деревенского колдуна, пробуждающего древние силы — только без всякой поэзии. Иногда он переходил на невнятное бурчание, словно спорил с самой судьбой, которая подсунула ему столь сомнительный рейс.

В темных полях, за перелесками и канáвами, перекликались собаки. Их вой напоминал пение хриплого хора, распевającego загробные гимны в честь последней пассажирки.

Однажды карета угодила колесом в яму — или, быть может, в чей-то забытый могильный след, — и подскочила так, что я едва не приложилась головой о потолок. Подобное недоразумение, повторившись пару раз, родило в моей голове вполне земной, практичный вопрос:

«Меня точно везут в лавку, а не на живописное захоронение между двух сосен?»

Дорога, петляя всё дальше от знакомого мира, казалась натянутой между реальностью и чем-то более зыбким. Вскоре ночь начала отступать, и над горизонтом загустело предрассветное марево — тусклое, серо-золотое, словно небо само ещё не решилось, хочет ли начинать новый день.

И вот, спустя долгие часы покачивания, потрясений и проклятий, мы въехали в деревню.

Она оказалась неожиданно приятной: аккуратные домики с черепичными крышами, палисадники, в которых цвели простые, но яркие цветы, табуретки у порогов, где, должно быть, по вечерам сидят старики и обсуждают всех и вся. Где-то на крыше лениво кукарекал петух, и даже дети, гоняющие за увесистым котом, казались частью пасторальной картинки, написанной мягкой рукой с любовью к деталям.

Интересно, а чего детей-то так рано на улицу пустили?

Но волшебство момента растворилось, когда наша карета, вздрогнув на очередной яме, остановилась у строения, которое будто выпало из другой истории. Здание кривилось в стороны, как уставший старик, который давно смирился с тем, что всё хорошее уже случилось. Краска облезла до древесного скелета, вывеска с надписью «Лавка теней» повисла на одной петле, скрипнув при порыве ветра, словно жалуясь на бессмысленность бытия. Окна смотрели на улицу мутными стеклянными глазами, искаженными временем и сыростью.

– Ну здравствуйте, приютила судьба, – выдохнула я, выбираясь наружу и вытягивая за собой свой баул с вещами. – Только бы крыша не решилась рухнуть прямо на меня в знак приветствия.

Кучер, стоило ноге моей только ступить на землю, тут же сорвался с места, убираясь подальше, словно за ним гнались сами гончие псы преисподней. А я лишь пожала плечами. Да уж, суеверные люди в этом мире.

Недолго потоптавшись на месте, все же решила исследовать свой новый дом, пройдя пару шагов до двери и толкнув ее. Надо же... не заперто.

Внутри запах ударил в нос сразу: смесь старых книг, застоявшейся влаги и чего-то смутно химозного. Воздух был густым, будто помещение не проветривались годами, пыльным. Так что первое, что я сделала — это расшторила и открыла окна, впуская внутрь утренний свет, чтобы хоть как-то осмотреться.

Полки, стеллажи и сундуки были до отказа набиты тем, что с равным успехом могло окказаться как волшебными артефактами, так и реквизитом для студенческого спектакля. Банки с непонятным содержимым, свечи странной формы, книги без названий, мрачные маски, шляпы всех эпох и размеров, склянки, коробочки, зеркала и статуэтки — всё это свисало, стояло, кривилось и пылилось с безмятежным презрением к порядку.

– Лавка теней, говорите... ага, лавка барахла, скорее, – пробормотала я, еле протискиваясь между этими вещицами.

Ни крыс, ни пауков, ни призраков — подозрительно. Хотя, возможно, они просто решили меня не тревожить в первое знакомство.

Я прошла вдоль стеллажей, шлёпая по скрипучему полу. Пару раз чихнула так громко, что с потолка посыпалась пыль — словно лавка отзывалась на мои претензии.

Солнце, наконец, выглянуло из-за горизонта, и с каждой минутой становилось всё очевиднее: здесь нужно будет не просто жить — здесь придётся выживать.

Живот напоминал о себе пустотой и лёгкими стонами. Я оглянулась в поисках чего-нибудь, отдалённо напоминающего кухню, но лавка отвечала мне молчанием и хаосом. Ощущение было такое, будто я поселилась не в доме, а в склад заброшенных воспоминаний, где каждая вещь шепчет о своей ненужности.

– Ну, пирогов и теплого пледа от тебя не ждала, милый дом, но хоть бы веник где-нибудь да должен быть, – буркнула я, подгибая под себя ноги и кряхтя на манер столетней старухи.

Вздыхнув, как человек, только что узнавший, что генеральная уборка займёт ближайшие три года, я медленно оглядела полки.

– Так, надо бы расчистить завалы. Начну с чего-нибудь маленького. Вот хоть с тебя, – пробормотала я, потянувшись к пыльному зеркальцу с резной ручкой.

Оно выглядело, как вещь из бабушкиного сундука — облупившееся дерево, следы от капель воска и пятно на стекле, напоминающее сердитое облако.

Я ещё не успела толком взять его в руки, как вдруг... кто-то заговорил.

– От тебя бы для начала избавиться, – раздался сиплый, старческий голос, на котором, кажется, разговаривают исключительно ворчливые деревенские бабы. – Глянь на себя, девка. Глаза впалые, как у мертвяков, волосы, как будто ворон гнездо вить начал. Я-то думала, меня хоть нормальным людям отдадут, а тут ты... Эх.

Я замерла. Внутри всё похолодело, но не от страха, а скорее от внезапного осознания, что реальность, кажется, решила окончательно поскользнуться и грохнуться головой в безумие.

Это зеркало заговорило или... Да нет, не может быть такого! Скорее всего, это у меня так с голодухи котелок не варит.

– Кто здесь?! – рявкнула я, резко оборачиваясь. – Предупреждаю, я вооружена очень хорошими голосовыми связками! Закричу — вся деревня сбежится! И если решат, что это дом ведьмы — сожгут, и глазом не моргнув!

– Ха, пусти меня на костёр, дурёха, я только рада буду! Хоть чем-то полезным стану. А то сижу сто лет без толку, слушаю, как моль сношается под полкой! – буркнуло... зеркало, явно не собираясь сдаваться без словесной перепалки. – Кричать она будет... Сначала синяки под глазами выведи, потом уж в угрозах рассыпайся. Вот, гляжу на тебя — и жизнь теряет смысл.

Я уставилась на зеркальце, медленно поднимая его на уровень лица.
Стекло, мутноватое, но отражающее достаточно, показывало меня — вполне вменяемую, разве что с немного растрёпанными волосами и усталым взглядом. Но не настолько, чтобы заслужить такую нелицеприятную характеристику.

– Это что, магия? Или у меня с головой всё уже настолько плохо, что даже мебель начала со мной разговаривать?

– И то, и другое, – проворчало зеркало. – У тебя и с головой беда, и с руками. Кто тебя причёсывал? Пугало в состоянии морального кризиса? Да что ж за времена пошли — раньше красавиц отражала, хоть глаз радовался. А теперь — вот это вот всё. Убожество в розовом платье.

– Отлично, – выдохнула я, с опаской, медленно опуская зеркало обратно на полку. – Значит, у меня лавка, наполненная хламом, ноль денег, полный список неопределённостей и... ворчащее зеркало с комплексами. Прекрасно. Просто шикарно.

– Не комплексы у меня, а вкус, – обиженно буркнуло оно с полки, – который, в отличие от твоего, всё ещё жив. Только толку от него, если кругом одно безвкусие, да пыль вековая.

Я зажмурилась, сделав глубокий вдох.

Ну, приехали. Какие еще сюрпризы будут, о которых не удосужился упомянуть папочка?

Изгнанная драконом. Школа-сад попаданки

Ксения Есенина

Аннотация к книге "Изгнанная драконом. Школа-сад попаданки"

Ещё вчера была воспитательницей в детском саду, а сегодня оказалась в теле изгнанной жены! Дракон обвинил в том, что я приворожила его, и выгнал в заброшенный проклятый особняк без гроша в кармане, чтобы я умерла тут с голоду.
Значит так, ни о каком драконе я ни сном ни духом и дел с ним иметь не хочу! Лучше разберусь, что это за мир и как тут выжить. Надеюсь, мне пригодится пятнадцатилетний педагогический опыт! Пора за дело...

Стоп. А что на пороге делает "мой" бывший муж, да ещё и так на меня смотрит?!

<https://litnet.com/shrt/lm2V>

Грибо-революция!

Решив, что борьба с хаосом мира должна начинаться не с философских раздумий, а с чего-то более насущного — например, варки еды, — я направилась на поиски кухни. Желудок уже отбивал в животе боевую дробь, как страстный барабанщик на ярмарочной сцене.

В дальнем углу лавки обнаружилась дверь, столь неприметная, что казалась нарисованной, как в плохом спектакле. Она с трудом поддавалась, заскрипев так, будто затаила древнюю обиду. За ней пряталось помещение, скорее всего, некогда считавшееся кухней, но с тех пор успевшее стать то ли складом забытых вещей, то ли местом изгнания для нелюбимых кастрюль.

Пыль витала в воздухе тугими слоями, как тяжелые гобелены. С потолка свисал кривовокий крюк, вероятно, служивший вешалкой для чугунной посуды. В углу стояла печь — пузатая, закопчённая, похожая на старую тётку, которая слишком долго грелась у очага и от этого приобрела выражение вечного недовольства. На ней дремала ржаво-серая кастрюля, а рядом, сложенные кое-как, скучали глиняные миски и кружки, покрытые патиной времени и равнодушия.

В ящиках и плетёных корзинах валялись засохшие травы, крупы сомнительного происхождения и нечто, напоминающее смесь сушёного гороха с ногтями древнего ящера.

Я остановила выбор на мешочке с зерном — по запаху, консистенции и, прости господи, хрусту на зуб — оно было похоже на вполне съедобное. Почти.

– Если вздумаешь зашевелиться или петь заговоры на варку, отправишься в огонь без права на обжалование, – предупредила я крупу, не без мрачной торжественности высыпая её в котелок с водой.

Пока я раздувала огонь и пыталась уговорить древнюю печь не сгореть вместе с домом, зеркало, развалившееся на полке в другом помещении, не унималось ни на минуту.

Оно комментировало всё подряд — от моей манеры поднимать крышку до изгиба локтя при помешивании. С его стороны это было похоже на симфонию ворчания, из которой исчезли даже намёки на мелодию, остались только скрежет и зуд.

– Ну, всё, достало, – процедила я сквозь зубы и, не дожидаясь следующего словесного выпада, вернулась в основное помещение, взяла зеркало и, не особенно утруждаясь любезностями, перевернула его лицевой стороной вниз.

Сверху для верности положила объёмистый фолиант с обложкой, пахнувшей пыльной кожей и старым потом магистра алхимии. Или кто тут такими книжечками увлекается?

«Проклятые амулеты Восточного Предгорья: краткий перечень, том третий», – прочитала я на обложке название, выгибая бровь.

– Ишь ты, гнёт приложила... – донесся из-под книги бубнеж с обиженным придыханием. – Вон оно как нынче: раньше дамы в корсетах в зеркало заглядывали с почтением, а теперь девки в тряпье на задворки убирают. Позорище. Я, между прочим, был приданным архимагини, а не подставкой под ногами для бездомных торгов.

Я никак не отреагировала. Ответ требовал сил, а их не было. Только лёгкая ухмылка и каша, начинавшая булькать на плите с подозрительной бодростью.

Насытившись завтраком, неожиданно приличным на вкус, если не учитывать лёгкий привкус сушёного базилика, вперемешку с ароматом старой пергаментной страницы, я решила, что пора перейти к следующему пункту существования.

Не полноценной жизни — ещё рано, — но хотя бы имитации уюта. Хоть иллюзии, что это место — не храм запустения, построенный в честь хлама и обрядов пылесборничества.

Собравшись с духом, я нашла нечто, что, возможно, когда-то считалось веником, но к моим рукам оно отнеслось с отчётливым презрением: рассыпалось, как старая мумия, при первой попытке к действию.

Вместо него я достала из угла некое шваброподобное сооружение, напоминающее смесь бердыша с тростью. Будучи обвернутым в паутину, словно в марлю, это странное орудие не внушало доверия, но, по крайней мере, не рассыпалось, а значит, прошло отборочный этап в мою армию одиночной уборки.

Я начала разгребать залежи артефактного мусора, и вскоре лавка превратилась в нечто среднее между лабораторией сумасшедшего алхимика и чердаком безумной травницы.

Стеклянные шары с плавающими в них глазами — я очень надеялась, что не настоящими — поблёскивали зловеще, как будто ждали команды к действию.

Музыкальные духовые инструменты, что, не дожидаясь внимания, взывали сами собой: протяжно, как если бы кто-то в дальнем углу испытывал экзистенциальный кризис.

Книги с замками — чёрными, медными, с гербами и шипами — лежали в угрожающих позах, как собаки на цепи, подозрительно следящие за каждым движением.

Были и предметы, которые не поддавались ни логике, ни здравому смыслу: нечто, напоминающее скрещённую подушку с жезлом, или, возможно, боевой талисман для экстремально ленивых.

Один из них, оказался на ощупь склизкий, как слизняк, еще и шевельнулся, когда я его чуть коснулась. Тогда мне сразу стало ясно, что его лучше больше не трогать.

К счастью — или потому что все проклятия работали по отличающимся принципам, — большинство этих штукун не выказывали желания со мной беседовать. Они могли светиться, потрескивать, менять температуру, а некоторые и вовсе исчезали с полки, чтобы через пару минут оказаться в другом углу, но... они молчали.

После разговора с зеркалом это казалось чуть ли не благословением.

К обеду я достигла той степени усталости, которую сложно измерить по шкале физической нагрузки — это было уже что-то метафизическое. Во мне выиграло не просто желание прилечь — скорее тоска по растворению в плоскости, чтобы перестать ощущать вес собственного тела и окружающего мира.

Мне хотелось слиться с доской пола, стать пятном, потерять форму и ответственность за существование.

Я разобрала свои пожитки: немного одежды, скромная кучка «ценностей» и зеркало, которому я пообещала в подробностях, что если оно издаст ещё хотя бы один комментарий, я засуну его в банку с солью, оберну вязкой чеснока и выставлю под луну. Оно, к его чести, затаилось.

Окинув взглядом завоеванное пространство, я пришла к двум неоспоримым выводам. Первый: я отчаянно нуждалась в горячей воде. Второй: мне была необходима кровать. Настоящая, с матрасом, способным не ломать позвоночник, и подушкой, не состоящей из перьев, вырванных из какой-то дохлой куры в приступе паники.

С ванной ситуация оказалась удручающей. В доме не было ни капли воды. Колодца я не видела, а попытки выйти на улицу закончились фиаско: стоило мне показаться у порога, как деревенские разбегались, будто я являлась распространительницей чумы.

Кто-то бросался в сторону с вязанкой дров, кто-то уводил корову, держа её за морду, как дитя, кто-то уводил и детей — причём тоже за морду. Вид у меня, видимо, был соответствующий.

Соседи, судя по всему, приняли меня за оживший фрагмент местного фольклора — ту самую, о которой шепчутся у костров и запрещают детям смотреть на неё через замочную скважину.

А кровать... если это творение можно было назвать кроватью, то только с оговоркой и искренним извинением. Матрас издавал звуки, которых я не слышала даже от старых дверей: он скрипел, стонал, вздыхал и один раз, мне не показалось, взвизгнул.

Пах он так, словно на нём не спали, а проводили интенсивные обряды с потом, слезами и, возможно, каплями крови. Подушки не было вовсе — только жалкое подобие, набитое чем-то невообразимым, что не держало форму и не желало выполнять свои обязанности.

Я стояла перед этой «ложею» и испытывала экзистенциальное сомнение: может, спать на полу? Или вернуться в храм и притащить оттуда гроб? А что? Чего добру пропадать? В нём хотя бы было мягко.

Приуныв окончательно и бесповоротно, я присела на старый стул, что стоял за стойкой торговой лавки, и уставилась в пространство с тем же выражением, с каким смотрят на затопленный погреб — с пониманием, что впереди много неприятного, и всё — твоё.

Солнце к тому моменту уже успело пересечь зенит, оставив после себя полуденный зной, будто кто-то подкинул дров в печь. В лавке становилось душно: не жарко — нет, это была именно духота, от которой не спасали даже открыт настежь окна.

Тишина висела плотная, почти маслянистая, и даже пыль оседала медленнее обычного.

Передо мной лежали записи прежнего владельца лавки. О, этот почерк. Если бы его можно было перевести в погодные явления, он был бы шквалистым ветром в грозу, сопровождаемой песчаной бурей и осадками в виде проклятий. Буквы вились, как черви, копошились, взбирались друг на друга, сливались в закорючки и внезапно обрывались на полуслове, будто автор устал от собственного повествования и ушёл пить ром с чернильницей.

– А это что за каракули?.. – пробормотала я, шурясь, как старый картограф без фонаря.

Одна из строчек, если хорошенько прищуриться и забыть о здравом смысле, напоминала нечто вроде: «Не кормить после полуночи, иначе...» — и на этом фантазия оборвалась.

И тут дверь распахнулась с такой яростью, будто с той стороны кто-то пытался с боем захватить это место. Створки врезались в стены с гулким грохотом, а я едва не соскользнула со стула, выронив записи, как пойманный школьник за чтением журнала класса.

На пороге выросла дородная женщина, побагровевшая и дышащая так, словно за ней гналась стая волков. Лоснилась она, вероятно, от негодования и несла перед собой внушительную коробку, из которой доносились такие звуки, что у меня возникло сильное подозрение: внутри происходило нечто живое, агрессивное и настроенное на побег.

Сначала — пиликанье, потом подозрительное шуршание, и в завершение — хруст, отчётливый, как если бы кто-то пробовал на зуб деревянную ложку.

– Всё! Хватит! Я больше так не могу! – завопила она, врываясь в лавку с решимостью пророка, которого никто не слушает. – Забирайте их немедленно! У меня нет больше сил! Ни моральных, ни физических!

Я моргнула.

– Простите... кого — «их»?

– И слушать не желаю! – прорычала она, вскинув руку и ткнув в меня пальцем. – Ты! Именно ты мне их всучила! Или не ты... – тут в её взгляде пробежала легкая тень сомнения, – но какая сейчас разница?! Это здесь мне продали те самые «семена»! Я всего-то хотела — на ярмарке грибной конкурс выиграть, ну, там, капелюшку вырастить их, всех удивить. А получила... вот ЭТО!

И с этими словами она грохнула коробку на стойку с такой яростью, будто это была не тара, а доказательство преступления. Крышка дрогнула, зашуршала, и я снова услышала этот звук: возня, шорох, подозрительное мяуканье — или... куда более нервное пицание.

Женщина метнулась к выходу, подняв юбки, как генералиссимус, покидающий проигранную битву, и, не дав мне шанса вставить хоть одно слово, исчезла за дверью.

Они хлопнули за ней, как финальный аккорд в симфонии безумия.

Из коробки доносилось подозрительное шевеление, будто внутри кто-то устраивал переворот в миниатюре. Поверх этого раздавалось хихиканье — тонкое, какое-то даже... пакостное.

Я прищурилась, перевела дыхание, как перед вскрытием особенно подозрительной банки из глубин холодильника, и осторожно приподняла крышку.

Первое, что я увидела — это красные шляпки. Насчитала целых пять штук. Яркие, выпуклые, с белыми точками.

Мухоморы. Но необычные.

Размером они были с откормленного голубя, которым старушки крошат по целой булке хлеба. И у них были... лица. Настоящие. С глазами, сверкающими живым, коварным интересом, с ртами, изогнутыми в ухмылках, и крохотными ручками, уже пытавшимися ухватить за что-то полезное. Или бесполезное — им, судя по взглядам, было всё равно.

Один из них, особо круглый, с шляпкой в форме слегка перекошенного зонта, вскинул «бровь», которую ему явно пришлось вообразить, издал нечто между презрительным фырком и карканьем и уставился на меня, как на скучного комара.

Второй — худой, с косой ножкой, — зевнул, показав крошечные, но острые зубки. Остальные втроём уже всю сооружали пирамиду друг на друге, с энтузиазмом детского сада и хитростью цирковых фокусников.

— О нет, — прошептала я, чувствуя, как надежда на тихую жизнь испаряется. — Только не говорите, что вы тоже умеете говорить...

Самый пузатый, подпрыгнув, встал в позу, вознёс свой крохотный палец вверх и с видом вдохновенного безумца гаркнул:

— Трепещи же, окаянная!

Затем грациозно — по своим грибным меркам — спрыгнул из коробки, приземлившись с шлепком и поворотом в стиле «смотрите, я звезда».

— Ура, мы свободны! — взвизгнул второй, делая колесо и тут же врезаясь в ножку стойки. — Грибо-революция! Но без насилия. Мы за прогрессивные перемены!

— Итак, что мы имеем: хозяйка — душевненькая, но слабая. Лавка — эстетический хаос. Печенье — не защищено. Вывод? — провозгласил третий в стиле усталого философа, присев и закулив воображаемую трубку. — Предлагаю ограбить шкафчик с печеньем!

— Не знаю, как вы, братья, но я жажду возмездия, — мрачно буркнул четвёртый, глядя на меня, будто именно я виновата в глобальном потеплении и в том, что его шляпку перекосило. — Особенно компенсацию за время, проведённое в этой тёмной коробке.

— А я — банан, — бодро сообщил пятый и упал навзничь, задрав ноги. — Простите. Я просто плохо социализирован. Но я стараюсь.

Я стояла в полном оцепенении, вцепившись в край стойки, будто она могла спасти меня от надвигающегося шляпчнокатастрофического кошмара.

— Отлично, — простонала я. — Как будто мне мало было проблем. Вы что, мухоморная мафия?

Пять пар глаз, растеряв весь свой пыл, в недоумении уставились на меня, видимо, ожидая, что я поясню сказанное.

А с полки, из-под книги, приглушённо, но с откровенным злорадством, донеслось хихиканье зеркала:

— Ну вот, а ты жаловалась на одиночество. А теперь у тебя, смотри-ка, целый детсад на ножках.

Попаданка для дракона. Проклятье заброшенной пекарни

Арина Лунная

Аннотация к книге "Попаданка для дракона. Проклятье заброшенной пекарни"

— Ты всего лишь расплата по долгам, — его голос обжигает, как раскалённый клинок. — Твоё место — у моих ног.
 — Ошибаешься и я это докажу!

 У меня есть три

правила: не терпеть предателей, не бояться проклятий и никогда не отдавать свою свободу.

 Теперь я заперта в проклятой пекарне, где булки шевелятся на полках, а печь желает расправы. У меня есть неделя, чтобы продать тысячу булок... или стать частью рецепта. Но я не из тех, кто сдаётся!
 А значит хлеб испечем, пекарню восстановим, проклятье снимем и найдем свою истинную любовь!

<https://litnet.com/shrt/lm9p>

Пора и в люди выйти!

Не обращая внимания на едкий комментарий зеркала, я вцепилась в край стойки, сдерживая порыв завывать в голос.

Пятеро грибов, уже весело бегающие по прилавку, за максимально краткое время успели смахнуть коробку, устроить турнир на сваливание друг друга с табурета, один — тот, что упоминал про то, что хочет банан, — пытался угнездиться в чернильнице, а философ с воображаемой трубкой разложил семечки (где он их взял?) в форме чем-то напоминающую пентаграмму.

— Так, довольно! — выдохнула я, хлопнув по стойке ладонью.

Грибы замерли, как застигнутые на месте преступления сорванцы.

Только философ вздохнул тяжело, как страдающий мудрец:

— Ну вот, опять авторитаризм, контроль и отсутствие мягкой мебели.

Я закатила глаза. Ещё упрёков от сомнительной формы жизни не получала...

— Поступим так: кто будет примерно себя вести — в будущем получит печенье. А кто будет шуметь и устраивать беспорядок — останется ночевать в коробке с закрытой крышкой.

— А как мы будем дышать? — невинно спросил банан. — Может, щёлочку для вентиляции всё-таки оставить?

— Нет, — отрезала я с такой суровостью, что даже зеркало воздухом подавилось. Чем оно вообще дышит? Ума не приложу.

На удивление, это подействовало. Грибы сели на корточки и застыли, будто их учили в тайной академии дисциплины для шляпастых хулиганов. А я мысленно потеряла ручки, довольная собой. Манипулировать другими, конечно, плохо, но что делать, если я только что здесь все убрала?

Раз уж у меня появился шанс на новую жизнь, то это же не означало, что я буду вести себя, как в прежней, подстраиваясь под свое окружение и стелясь перед начальством.

К тому же, здесь босс — это я.

Страхнув с подола платья пылинки, перевернула-таки зеркало и велела ему (или ей?) присмотреть за сорванцами, с которыми еще нужно будет придумать, что делать, и бросила последний тяжёлый взгляд в сторону подозрительно присмирившего грибоотряда.

— Да чтобы той доброй женщине, что «вернула порченный товар», кошмары снились всю оставшуюся жизнь, — с этими словами я направилась к выходу, надеясь, что к моему приходу здесь хотя бы останутся крыша и стены.

Погода выдалась жаркой, душной, словно воздух кто-то подогрел до состояния несвежего пирога. Деревня, казалось, жила своей жизнью — но без меня. Двери закрывались с подозрительной быстротой, стоило мне объявиться на горизонте, ставни хлопали, как крылья у испуганных воробьёв. А редкие прохожие демонстрировали выдающееся мастерство в умении «не замечать» присутствие подозрительных элементов. То есть меня.

Колодец я обнаружила за амбаром, укрытый листвой и плющом, с облезлой вывеской «Питьевая вода. Не отравленная. Возможно».

Да уж, как обнадеживающе.

Коромысла или какого-либо подобия его я не обнаружила поблизости, зато нашлось старенькое, чуть ржавое по бокам ведро со скрипящей ручкой. По правде говоря, вспоминать детский опыт жизни у бабушки в деревне мне не очень хотелось, но деваться было некуда, тело уже чесалось от налипшей во время уборки пыли.

Я натаскала в лавку три вёдра, и с каждым следующим моё чувство героизма росло. Чуть не оторвала себе плечи, но зато ощущала себя героиней деревенского эпоса: без меча, но с ведром — и думалось мне, что это было даже грандиознее. По крайней мере, для тела изнеженной

аристократки Иветты, которая за всю свою, пусть и нелегкую жизнь, в руках не держала ничего тяжелее ночного горшка.

Закончив с транспортировкой, вернулась в лавку и вскипятила воду в самой большой из имеющихся кастрюль, переливая ее в найденное среди завалов подобие корыта. Наскоро ополоснулась, используя те же кастрюли и огромный ковш, в роли которого выступал половник, предварительно заперевшись от слишком уж любопытного грибоотряда.

Ишь чего! Не доросли еще, чтобы на даму благородных кровей в исподнем смотреть!

И, как закончила с водными процедурами и переделась в свежую одежду, прислушалась к ощущениям. Тело ломило от физической нагрузки и пережитого стресса, живот слегка крутило, мягко намекая на то, что пора бы еще заправиться едой, но в обморок я падать от голода или от жары и раздражения я вроде бы не собиралась.

Даже больше! К своему удивлению я все же почувствовала нечто вроде... облегчения. Притупленного, едва уловимого, но настоящего.

Кроватный квест был отложен на потом. На повестке дня стояло: добыча еды и денег. Причём желательно в обратном порядке.

Я достала из сумки часть украшений Иветты — кулон с зелёным камнем, пару колец, заколку с эмалью и цепочку, на которую, по словам памяти Иветты, покушалась Лирейн с восьмилетнего возраста. На мой взгляд, приправленный скудными знаниями расценок бывлой владелицы тела, с этого можно было выручить горсть серебряных, а может, и золотых монет. По крайней мере, я на это надеялась.

Деревенский рынок оказался недалеко — он раскинулся на просторной площади перед таверной, где в тени навесов уже располагались лавки, столы, корзины и толпа, гудевшая, как улей. Пахло пригорелыми специями, жареной рыбой, вином, пылью и капелькой паники. Или это от меня исходило?

Стоило мне появиться, как на рынок будто опустилась тень. Торговцы начинали внезапно пересчитывать морковку, покупатели делали вид, что изучают булки на прилавках с такой сосредоточенностью, будто это философский трактат. Меня избегали. Осторожно. С почти филигранной грацией. Было... неприятно.

Старый работник ювелирной лавки, к счастью, оказался менее впечатлительным. Он разглядывал выложенные мною украшения так долго, что я успела состариться лет на пять, покрывал их в пальцах, как будто раздумывал, не зачарованы ли они на превращение в жабу.

Наконец, он изрёк:

– Ну, за всё... двадцать три медяка.

– Серьёзно? – я чуть не захлебнулась собственным возмущением. – Это грабеж!

– Милочка, следите за словами. Мы, местные, хоть люд и простой, но клеветы не терпим. К тому же, сами посмотрите. Камень мутноват, золото с примесью. Да и кто сейчас будет носить такие вещи из деревенских? Только если на похороны или на свадьбу. А поскольку молодежь вся бежит подальше от этих земель, старики едва ли смогут сделать мне хорошую выручку.

Я взяла деньги, более не споря. Голод был сильнее гордости. Ещё и печенье надо купить — шантаж грибов требовал ресурсов.

Покинув лавку ювелира, я прошлась по рыночным рядам, купила хлеб — тёплый, с хрустящей корочкой, сыр — с подозрительной коркой, но чарующе пахнущий, яблоки — красные и дерзкие на вкус, мешочек орехов, соль, печенье, несколько яиц и банку варенья. Варенье было из слив и стоило как грех, но я не могла удержаться. Захотелось чего-то... домашнего.

Видать, пребывание в подобной обстановки все же навеяло настольгию по моей бабушке.

И вот, когда я уже собиралась свернуть обратно, чтобы устроить пир желудку, меня вдруг окликнули:

– Девонька, подойди-ка, солнышко.

Сиротка для дракона, или хозяйка проклятого поместья

Виктория Луцкая

Аннотация к книге "Сиротка для дракона, или хозяйка проклятого поместья"

- Делай, что приказываю, иначе умрешь! - злобно рычит дракон.

 - Да кто вы вообще такой?! - испуганно выдыхаю я.

 Дэймон Блэк - опасный мерзавец, который вознамерился отнять мой дар любой ценой. Попав в тело сиротки и едва не лишившись жизни, я сбежала от него в заброшенное поместье на краю света.

 Но что делать, если новый дом проклят, а высокомерный дракон грозит выломать дверь? Конечно, призвать магию хаоса и нарушить планы злодея! Вот только почему он так хищно смотрит на мою грудь.

<https://litnet.com/shrt/l2Di>

Интересная старушка...

Я обернулась с удивление уставившись на прилавок, уставленный молоком в стеклянных бутылках, пучками зелени, корзинами с яйцами и овощами. В общем-то говоря, всем тем, на что у меня уже не хватало средств.

Но прежде чем моё настроение успело скатиться в привычную воронку «ничего себе не могу позволить», я заметила за прилавком фигуру — крохотную, будто высушенную временем. Старушка. С первого взгляда ничем не примечательная: сгорбленная, с лицом, исписанным морщинами, как карта древнего мира. Но стоило ей заговорить, и я сразу поняла: она не из тех, кто смотрел на меня с подозрением, как на оживший кошмар.

Глаза её сияли — не слепым светом бездумной доброты, а каким-то искренним человеческим теплом, как у человека, который уже всё видел, всё понял и теперь просто улыбается. На губах у неё играла доброжелательная, почти заговорщицкая улыбка — как у бабушки, которая сейчас обязательно что-нибудь подсунет вкусное, но не скажет, из чего именно.

– Ну, чего застыла? Не бойся, не укушу, – сказала она, махнув рукой, в которой держала пучок редиски. Жест получился широкий и смелый, будто она приглашала меня не просто к прилавку, а в безопасный, уютный мир. – Иди сюда. Возьми-ка редисочку. Или вон ту морковку — сладкая, как мёд, зуб даю.

Подходила я, скажу честно, как к кусту с колючками — медленно, по дуге, с опаской, присматриваясь. Кто её знает? С виду — чистый божий одуванчик. Но вдруг, на деле она окажется последовательницей злой королевы из «Белоснежки»?

– Извините, но... Мне нечем будет за это заплатить, – проговорила осторожно я, остановившись в полуметре от прилавка и с недоумением наблюдая за тем, как старушка уже складывает продукты в котомку.

– Да что ты обижаешь старуху почем зря? – вдруг экспрессивно выдала она, махнув рукой, которой держала редис.

Я тут же шархнула, чуть не запнувшись о собственный подол платья, не желая стать жертвой покушения, совершенного с помощью овоща.

Старуха нахмурилась, но тут же перешла от негодования к привычному старческому ворчанию, которое почему-то прозвучало даже ласково:

– Эх, девонька, да что ж ты себя так не жалеешь-то? Глянь на себя: щёчки ввалились, глаза как две тени, вся осунулась. Совсем себя извела, поди, этой вашей... как её... ди-е-той? Вот же, напасть модная! А зачем, спрашивается? Наряды, тряпки... Всё пыль. А здоровье — оно одно. Пока не потеряешь — не поймёшь. А потом поздно. Потом только гроб да отпевание. И то, если успеешь.

Я мысленно усмехнулась. Хотелось сказать, что я, в общем-то, уже успела. И гроб, и отпевание были, и даже платье соответствующее. Но вслух не стала. Пусть старушка порассуждает, ей приятно.

Однако опасаться ее перестала. Все ходить во врагах всей деревни — опыт не из приятных.

– Держи, кому говорю! – старушка ловко впихнула в мою котомку пару яиц, пахнувших сеном, и связку зелёного лука, который, казалось, только что выдернули из грядки. – Тут тебе и яички деревенские, и морковка сладкая, и молочко у меня — хоть в пирог, хоть в ванну. Всё своё, всё с любовью. Корову я, между прочим, дважды в день дою. Не лентяйка какая-нибудь.

– Но... но я же сказала вам, что у меня совсем нет... – начала я, чувствуя, как волна стыда поднимается от пяток до макушки.

– Да что ты заладила про деньги! – отмахнулась она так, будто отгоняла надоедливую муху. – На что они мне сдались, твои медяки? Сейчас, куда ни плюнь, у каждого в подвале по

амбару, в сундуке — мешки с картошкой, на чердаке — банки с вареньем. А едоков — с гулькин нос. Старики да вдовы, бабы брошенные, да с выводком мал-мала-меньше. Мы и рынок-то этот затеяли не от великой нужды, а потому что, мол, свадьба у герцога — вот, дескать, народ подтянется, оживим торговлю. Думали, подзаработаем хоть что. Ан нет. Те, кто с герцогского двора, прибежали с петухами, всё выгребли и — тю-тю! Посыльные, бывает, заезжают, да только староста их обслуживает — у него там и сыры, и наливки припасены. А сегодня, гляди-ка, позволил простому люду поторговать. Так что бери, деточка. Всё одно попортится, если не съешь.

Я ошеломлённо кивнула, прижимая к груди котомку, отяжелевшую от даров щедрой руки, словно держала не продукты, а сундук с наградой за спасение мира.

— Эм... спасибо вам огромное. Вы даже не представляете, насколько я вам благодарна. Правда, я... я обязательно отплачу. Вот сейчас сбегая в лавку, поищу, может, ещё украшений каких осталось — попробую продать ювелиру...

— Да будет ещё тех побрякушек, — вновь махнула она рукой. — Ты, девонька, лучше словами плати, а не звонкой монетой. Мы, народ деревенский, просты, да не совсем уж бесхитростны. Тут у нас главное не медяки, а беседа — живая, свежая, как молоко в утренней кружке.

Я растерялась.

— Беседа?.. Вы хотите... поговорить?

— А то! — оживилась она, и её глаза заискрились такой неподдельной жадой слухов, что я невольно сделала шаг назад. — У нас тут деревня... как бы это сказать... предсказуемая, что ли. Всё одно и то же. Кто курицу потерял, кто в квашню упал. А поболтать охота — сил нет. Раньше с Афанасьей, соседкой моей, хоть переругаемся, хоть перемоемся — весело. А сейчас у неё склероз. Говоришь с ней, а она только глазами хлопает — будто первый раз видит. Так что не поговорить толком. А ты — смотри-ка, свеженькая. Из города, небось? Лицо новое, язык — бодрый. Вот я и подумала...

Она сделала вид, что мнётся, но выдавало её всё — от дрожащего подбородка до того, как она почти вцепилась в прилавок от нетерпения.

— Уж больно мне интересно, — выдохнула она наконец, будто скидывала с души тайну, — за что тебя, такую молодую да цветущую, отправили заведовать этой... лавкой. Лавкой проклятой. Там же, как нам староста рассказывал, раньше только каторжников прятали. Ну, знаешь — воришек, шулеров, всяких лоботрясов. Для наказания, чтобы с чертовщиной столкнулись и духу своего больше не показывали. А ты на таких не похожа. Ты не та, что на галерах весла тёрла. У тебя спинка прямая, руки тонкие, да и лицо... не замызганное. Ну, скажи по правде, не страшно тебе там одной-одинёшенькой жить?

Вот и вся суть. Не великодушие двигало ею, не жалость, не тяга к благотворительности. Просто бабушке, как любой старой душе в забытой деревне, жгуче требовалась история. Новость. Слух, желательно с перчинкой. А если ради него пришлось раздарить полприлавок — что ж, считай, выгодный обмен.

Отчасти я её понимала, но...

Хотя к черту «но»! Кто я такая, чтобы отказываться от дара, если он подан с такой неподдельной искренностью — пусть даже в обмен на сплетню? К тому же, сама того не подозревая, старушка помогала мне больше, чем могла представить. Благодаря ей становилось всё яснее, почему моя лавка напоминала помесь склада проклятий с логовом запylённого хаоса. Ведь если туда и правда ссылали неудачников и беглецов, то неудивительно, что всё там пошло прахом.

— Не страшно, — ответила я, стараясь не выдать себя ни дрожью в голосе, ни тонкой испариной на висках. Улыбнулась — так, чтобы выглядело искренне, но не наигранно. — А то, что меня сюда сослали, я скорее как награду воспринимаю. Честно.

Старушка приподняла бровь — с таким видом, будто я только что заявила, что добровольно ночью в колодце.

– Это ещё как так? Там же... ты прости, конечно, но скопище всякой нечисти, прямо скажем. Барахло, от которого даже тараканы в ступоре. Говорят, по ночам у вас там призраки дверьми хлопают, да крысы не только в подполе шарятся, но и разговаривают. С ударением на слоги!

Я невольно скривилась, представив, как среди ночи кто-нибудь из грызунов стучит мне по лбу хвостом и читает лекцию по философии. Или, хуже того, рецензию на мой ужин.

– Крыс говорящих, слава небесам, пока не встречала, – ответила я, пытаюсь вложить в голос как можно больше бодрости. – И призраков тоже. Хотя вещи, да... вещи в лавке действительно обладают... ну, скажем, темпераментом. Некоторые даже слишком. А вы не знаете, кстати, откуда они все берутся?

Старушка хмыкнула, прищурилась и начала говорить тем тоном, каким рассказывают сказки у костра — с нажимом, с поворотами сюжета и выражением.

– Так с земель герцогских, откуда ж ещё! Наша деревня ведь аккурат на самой границе между графством и его вотчиной. Вот и тащат всё оттуда — кто что ухватит. В основном — слуги, сбежавшие из замка с полными подолами всякого добра. Думают: умыкну, да продам по дешёвке. А потом, глядишь, и заживу на новом месте. Только герцог, он не пальцем делан. Умный, как сорока, и злопамятный, как ворон. Он нарочно ничего никому не говорит — мол, выносите, что хотите. А потом... потом всё это начинает творить черт знает что. Потому как любое, даже самое малое, с его земель — проклято. Вещи те к рукам липнут, шепчут по ночам, сны навевают, а то и зубами щёлкают. А сам он, говорят, набирает себе прислугу в таких дырах, где про его проклятие и не слыхали. Подпишутся — и вперёд, в ад с обедами и графиком. Эх, мужик-то мировой, щедрый. Но, как говорится, с душком. С дымком, я бы даже сказала. Туманным.

Я нахмурилась. То есть, выходит, всё содержимое моей новообретённой лавки — по сути, собственность герцога. Очень своеобразная, очень недружественная собственность. И, стань я его супругой, скорее всего, при разводе мне бы всё это выдали в качестве «прощального набора». Замок — бывшему. А мне — лавку с проклятым скарбом и говорящим зеркалом. Отличная сделка, прямо мечта любой девушки.

Однако от обдумывания своей почти-семейной катастрофы меня отвлекла одна мысль, крутившаяся все время в голове:

– А что с ним вообще не так? Почему его все называют проклятым? В чём суть этого проклятья?

Попаданка в сказку. Проклятье красной розы

Дина Нежина, Анна Пфари

Аннотация к книге "Попаданка в сказку. Проклятье красной розы"

Упала со скалы прямо в сказку? Вот это не повезло! Замок проклят? Да, – это беда.
 Меня пленило чудовище? Ну, это ему не повезло, а не мне!
 Чудовище приручим, замок расколдуем, а сказку перепишем!
 У меня год, чтобы полюбить чудовище, иначе все мы превратимся в мебель?
 Но как быть, если мне больше нравится другой?!

<https://litnet.com/shrt/l2bK>

Месть за коробку

Старушка понизила голос, сделала таинственное лицо и приблизилась, как будто вокруг нас уже кружили невидимые уши.

– Так ведь это всё старая история... – протянула она, с явно садистским удовольствием от предстоящего пересказа. – Родовое, понимаешь? Проклятье-то. Его прапрапрабабка, говорят, увлеклась не теми книгами в молодости. Влюбилась она, мол, в тогдашнего герцога — знатного, холёного, надменного, как и положено. А он на неё — ноль внимания. Вот она и полезла к ведьме. А может, сама заклинания сочиняла, никто уже не скажет. Приворот, говорили, то ли сработал, то ли не очень, но цена у него была такая, что ого-го. Приручить — приручила, а вот проклятье на весь их род наложила. С тех пор мужчины в роду герцогов будто бы лишены способности чувствовать. Эмоции — только имитация. Влюблённость — пустая игра. Сердце — как сухой камень в овраге: вроде есть, а толку ноль. Так и пошло: каждый следующий герцог — холоднее предыдущего. Жесткий, как лопата зимой. Требовательный, равнодушный... И не к себе — к людям. Простому люду, вот нам, — будто мы мебель. Платит, правда, щедро. Но и требует так, что слуги сбегают, пятками сверкая. Не потому что плохо кормят — а потому что в доме как-то... не по-человечески. Пусто. Лаванда в коридорах, а запах — как в склепе.

– Да уж... – тихо выдохнула я, погружённая в размышления. – Отвела меня судьба...

Но, как ни старалась говорить себе под нос, старушка, конечно же, услышала.

– Что-что, милочка, ты сейчас сказала? – прищурилась она, наклонившись чуть ближе.

– Что-то про судьбу? Неужто знакома с герцогом? Или просто чуйка у тебя хорошая?..

О, чувствую, мне ещё придётся быть очень осторожной в этой деревне.

– Говорю, странно это всё, – пробормотала я, задумчиво вглядываясь в узор на ближайшем пучке укропа. – Ну не вяжется. Если он и вправду такой холодный и расчётливый, как все о нём судачат, зачем тогда устраивать свадьбу в три объёма и с фанфарами до небес? В городе уже толкуют, что празднество будет нешуточное, пышнее коронации. Подписал бы себе брачный договор с какой-нибудь племенной кобыл... – я слегка запнулась, – ... ой, простите, со знатной невестой, и жил бы спокойно, как положено ледяному аристократу. Зачем такие траты, шум, толпа, пир горой? Это же совсем не в его стиле. Совершенно не рационально.

Старушка вскинула брови так высоко, что те, казалось, попытались скрыться в складках платка.

– Так ты и этого не знаешь? – изумлённо воскликнула она, округлив глаза так, что в них можно было бы разглядеть целую сцену деревенского театра. – Так ведь говорят: проклятье с него можно снять! Поцелуем. Но не простым, а поцелуем истинной любви.

Что?! Погодите-ка... Мне это не послышалось? Или она только что заговорила голосом волшебной феи из анимационного мультфильма?

– Поцелуем? – уточнила я, уже на грани хохота, прищурив глаза, словно пыталась разглядеть подвох.

– Ага, – кивнула старушка, ни капли не смутившись. – Самым что ни на есть настоящим. Чистосердечным, с любовью в сердце и искоркой в глазах.

– Истинной любви... – повторила я, и сдерживать весёлую дрожь уже не было смысла. Смех вырвался, лёгкий, ироничный, почти весёлый.

«Ох, Лирейн, сестрица моя дорогая... Теперь в твоих губах — буквально — судьба целого проклятого герцогского рода. Постарайся, красавица, от души!»

Я едва не хохотнула вслух, представляя, как моя утончённая, капризная Лирейн с надувными губками и взглядом «я-ваша-королева» пытается изобразить нежное чувство к человеку, которого в глаза не видела.

Мысленно я послала ей луч поддержки и саркастическое подбадривание: «Давай, сестрёнка, очаровывай, спасай, целуй. Чем меньше проклятий останется в этом мире — тем мне проще дышать среди своих хулиганистых грибов и ворчливого зеркала».

– Ну и дела... – протянула я вслух, не то чтобы особо к кому обращаясь.

– То ли ещё будет, – отозвалась старушка с загадочной улыбкой. – Завтра, как отыграет свадьба, поглядим. Авань, в этот раз повезёт герцогу. Может, и вправду найдёт ту самую.

Я приподняла бровь:

– Вы всерьёз думаете, что истинная любовь способна родиться за день церемонии? Они ведь даже не встречались. Только на портретах друг друга видели. Это же не роман, а фарс.

Только я произнесла это, как поняла — сболтнула лишнего. Бывает же. Слова слетели с языка легче, чем надо было. Особенно учитывая, что простая «новенькая хозяйка лавки» по идее не должна знать, кто с кем виделся и в каком формате. Я осеклась, прикусив язык и глядя в сторону, будто изучала, из чего сделан ящик с морковкой.

Старушка, конечно, не была наивной тыквой. В её взгляде промелькнула хитрющая искринка, будто она только что сложила пару улик в голове и почти подошла к разгадке. Но, к моему облегчению, расспрашивать дальше не стала. Лишь пожала плечами, притворно задумчиво буркнув:

– Кто знает? В жизни всякое случается. Бывает, один взгляд — и будто всю душу насквозь видишь. А бывает — годами живёшь, и всё мимо. Так что не зарекайся, девонька.

На этой философской ноте наша беседа закончилась. Старушка Белла, только под занавес представившаяся, словно бы специально отложила это до самого прощания, всучила мне котомку — и не одну, а три, каждая с продуктами добротными и тяжёлыми, будто в них скрыт годовой запас выживания. Я стояла, перегруженная и ошарашенная, как бык на ярмарке, когда она ещё и подмигнула:

– А с завтрашнего дня я тебе передачи носить буду. Продукты, новости, советы по жизни. А ты, милая, взамен — поболтай со мной чуток. Дело нехитрое. Мне с тобой, гляжу, душевно. Да и поговорить ты умеешь складно. А что до твоих тайн... – она склонила голову и хмыкнула, – старушка я, но не дура. Но язык — как сундук под замком.

Мило. Очень мило. И немного жутко. Потому что Белла, сама того не зная, уже подобралась опасно близко к моей главной тайне.

Опасно близко к правде о том, что я вовсе не просто городская девушка с неудачной карьерой. А та самая старшая дочь графа, что воскресла как-то уж слишком вовремя. И которую должны были уже похоронить — но, увы, она предпочла жить... и не выходить замуж за проклятого.

За всеми этими разговорами, ухмылками, недомолвками и морковными одолжениями, я напрочь выкинула из головы, что дома — если это место вообще можно так назвать — меня поджидают куда более... специфические заботы. И в количестве строго пяти штук, каждая — с шляпкой, характером и крошечными, но весьма деятельными конечностями.

Я пересекла порог лавки, мечтая о минуте тишины, и тут же, не успев даже вдохнуть полной грудью, шлёпнулась обувью прямоком в лужу. Холодную. Слизкую. Подозрительно пахнущую. Взглянув вниз, я с содроганием узнала в луже последствия забытого мной ранее корыта, которое, судя по разлитой воде, кто-то не просто опрокинул, а устроил вокруг него ритуальный танец.

– О, нет... – простонала я, инстинктивно подскочив, как будто горячее схватила. И тут же, завидев, что творится дальше в комнате, взвыла во всю глотку: – А ну отошли! Отошли немедленно от моего гардероба, вредоносные споры в шляпках!

Пять пар глаз мгновенно обратились на меня — одни округлились, другие сузились, третьи, похоже, даже подмигнули. Мордашки их застыли в выражении, напоминающем застигнутых на месте преступления хулиганов, у которых за пазухой дымится петарда.

Но момент ужаса у них длился недолго. Очень недолго. На смену пришло то, что в иных кругах называют «творческим порывом», а в моём случае — катастрофой.

– Долой раболепство, братья! – возопил самый громкоголосый из отряда — гриб с криво сидящей шляпкой и воинственным блеском в глазах. – Мы за свободу! Против гнёта шкафного и диктатуры вешалок!

И прежде чем я успела вмешаться, он ринулся вперёд и... впился зубками — острыми, как у мыши, но миниатюрными — в край одного из моих немногих уцелевших платьев. Ткань хрустнула, треснула, и с жалобным «шлёп» кусок рукава оказался на полу.

– Нет! – завопила я, но было уже поздно.

Маленький пакостник с гордым видом поднял свою грибную голову, отбросил тряпицу на пол, будто трофей, и с торжественным достоинством принялся её топтать. Причём не просто топтать, а с выражением, как будто исполнял ритуальный танец племени «Месть за коробку».

Остальные грибы наблюдали за происходящим с нарастающим энтузиазмом. Один похлопал, другой начал снимать мерки с моего жилета, третий подбирался к ящику, куда я сложила свое белье, с выражением вора-ценителя.

Абзац. Просто абзац. Я теперь ещё и без сменной одежды осталась.

Кузница попаданки. Скованная проклятием

Анна Дрэйк

Аннотация к книге "Кузница попаданки. Скованная проклятием"

Меня занесло не в замок дракона и не в магическую академию, а в проклятую деревню, окутанную туманом. Никто из местных не может выйти — единственный шанс снять проклятие: восстановить старую кузницу и заставить гоблинов работать. Проблема — гоблины лентяй, а жители их боятся.
Но я — учительница. После подростков меня гоблины не пугают. Придётся брать всё в свои руки. И даже если в деревню зачастил надоедливый тёмный маг, я с этим тоже разберусь.
Снять проклятие? Легко, если знаешь, как организовать даже гоблинов!

<https://litnet.com/shrt/l2II>

В это время герцог...

Утро вторглось в покои бесцеремонно и безжалостно вырвало меня из липких объятий сна, столь же тусклого и невыразительного, как и всё, что наполняло моё существование. Распахнув глаза, я со скучающим безразличием разглядывал золотистые солнечные пятна, бессовестно рассыпавшиеся по полу моих покой, будто назойливые гости, явившиеся без приглашения. Невольно подумалось, что мироздание чересчур навязчиво изображает безмятежную радость. Однако этот спектакль давно наскучил, а я смертельно устал от притворства и вымученного счастья окружающих.

Сегодняшний день обещал стать особенно невыносимым.

Свадьба.

Это слово звучало в моей голове с оттенком саркастической горечи, как лекарство, которое выпиваешь исключительно ради приличия, заведомо зная, что оно не принесёт облегчения.

Герцог фон Бэк, в простом народе именуемый проклятым, властитель одних из самых обширных земель, и... как там звали эту бледную, трепетную овечку, навязанную мне графом Дарнел?

Ах да, Иветта.

Девушка, чьё изображение на портрете выглядело столь робким и бесцветным, словно всю свою недолгую жизнь она провела в судорожном ожидании удара судьбы. Впрочем, этот кроткий образ мне даже был выгоден: уж такая-то наверняка не станет надоедать назойливым присутствием, докучливыми вопросами и прочими радостями супружеского бытия.

Мои невесёлые размышления, однако, были прерваны деликатным, словно боязливым стуком в дверь.

– Ваше сиятельство, всё готово. Жрец явился заранее и уже ждёт, – доложил управляющий Оуэн — человек болезненно нервный и, казалось, каждый раз рискующий потерять дар речи при виде меня.

– Полагаю, желает лично убедиться, что я не исчезну самым неприличным образом прямо перед алтарём, – заметил я ледяным тоном, презрительно изгибая губы в усмешке, и не торопясь поправил идеально отутюженные манжеты своего тёмного, строго элегантного камзола, который уже успел надеть самостоятельно. Терпеть не мог навязчивое внимание слуг, а те только были и рады лишней раз со мной не пересекаться. – И, признаться, его опасения небезосновательны. Мысль отменить этот балаган и впрямь временами кажется крайне соблазнительной.

Оуэн кашлянул — то ли от неловкости, то ли от сдерживаемого страха, — но позволить себе даже тень улыбки так и не отважился.

– Процессия графа тоже уже прибыла, – осторожно добавил он спустя неловкую паузу.

– Ваша невеста, милорд, ожидает вас в малом зале.

Я вздохнул с преувеличенной усталостью и лениво взмахнул рукой, отгоняя его, как надоедливое насекомое:

– Выйду, когда сочту необходимым. Пусть ждёт и привыкает к законам моего замка и моим привычкам.

Управляющий ретировался, будто испаряясь в воздухе, а я без суеты продолжил приводить себя в порядок, каждым движением подчёркивая холодную уверенность и отточенную чёткость, свойственную клинку, привыкшему к руке мастера. Однако за внешней безупречностью не таилось ни капли живого чувства. Всё вокруг казалось серым и выхолощенным, лишённым даже намёка на интригу.

Родовое проклятие, лишавшее каждого герцога из рода Бэк способности чувствовать, уже давно воспринималось мною с холодной отстранённостью, как некая надоедливая, но неиз-

бежная фамильная традиция. Время от времени всплывали слухи, будто снять этот наследственный «подарок» способна искренняя любовь. Но стоит ли это пресловутое чувство отказа от удобного безразличия, ставшего уже второй натурой? Я лично испытывал сильные сомнения на сей счёт.

Наконец, утомившись от бессмысленного созерцания собственного отражения — такого же мрачно-непроницаемого, как моё настроение, — я направился в малый зал, где уже собралась часть приглашённых и моя невеста.

Стоило мне переступить порог, как ко мне метнулся слуга графа — трясущийся и жалкий, с видом человека, всерьёз опасавшегося, что его могут отправить на казнь лишь за дурную новость.

— Ваше сиятельство, — заикаясь и комкая слова, выпалил он, — граф Дарнел велел передать... Несчастье произошло в его доме. Его старшая дочь, леди Иветта... несколько дней назад трагически скончалась.

Я застыл лишь на мгновение, короткое, как взмах крыла летучей мыши, после чего медленно и подчеркнуто саркастично приподнял бровь:

— Погибла? Как неучтиво с её стороны — скончаться накануне собственной свадьбы, — бесстрастно произнес я. — Интересно, кого же тогда любезный граф подсунул мне взамен?

— Младшую дочь, леди Лирейн! — пролепетал слуга, казалось, готовый в любой миг потерять сознание от ужаса, и поспешил исчезнуть из моего поля зрения.

Я лениво перевёл взгляд на девушку, окружённую служанками и дамами из свиты, и улыбавшуюся слащаво и жеманно, будто ей только что вручили ключи от небесных врат.

Внешность её, несомненно, была хороша, и сама она явно осознавала это в совершенстве, ибо при моём появлении её ресницы задрожали, словно крылья испуганной бабочки, а губы расплылись в соблазнительной и чуть наигранной улыбке.

— Что ж, замена, безусловно, занятная, — протянул я себе под нос, с презрительно-ироничной усмешкой. — Искренне надеюсь, на этом сюрпризы дня закончены.

— Ваша Светлейшество, герцог Каэль! — абсолютно не обращая внимания на мое пренебрежение, вдруг выдала эта девчонка. — Я так рада встрече с вами!

— Радость явно взаимна, — сухо бросил я, ничуть не скрывая сарказма, но Лирейн, казалось, совершенно не замечала колючек в моём голосе.

Она бесцеремонно шагнула ближе и, склонив голову набок, смотрела на меня с выражением восторженной кошки, обнаружившей блюдце с молоком.

— Ах, я и представить не могла, что вы настолько хороши собой! Портреты совершенно не передают вашей... мужской харизмы и величия, — защебетала она с такой приторной сладостью, что мне на мгновение показалось, будто зубы сводит от избытка сахара.

— Портретист явно сэкономил на красках, — пробормотал я, смерив её равнодушным взглядом.

Лирейн вдруг взвизгнула и хлопнула в ладоши:

— О, ваше чувство юмора просто восхитительно! Вы не представляете, как я счастлива! Ведь я мечтала о встрече с вами с самого детства!

Я подавил тяжёлый вздох, ощущая, как мои виски начинает сводить от её голосовых упражнений.

— Неужели? А я думал, ваша сестра мечтала. Впрочем, вам виднее.

Она чуть замаялась, однако быстро вернулась к прежней восторженности:

— Моя бедная сестрица, конечно, была милой, но уж очень... неосторожной на лестницах. Я же, ваше Светлейшество, гораздо крепче и осторожнее, уж поверьте! — Лирейн кокетливо поправила волосы и принялась осыпать меня комплиментами, точно искусный повар, перебарщивающий с пряностями в блюде. — Ваша репутация сурового и холодного властителя совершенно не соответствует действительности! Вы гораздо привлекательнее, чем говорят слухи!

– Приятно слышать, – ответил я с безразличием. – Однако я бы предпочёл, чтобы моя репутация оставалась неизменной. Это избавляет от лишних... контактов.

Она засмеялась, видимо, посчитав мои слова за очередную шутку.

– Ах, вы такой загадочный! Знаете, я ведь уверена, что смогу развеять вашу скуку. Вы позволите мне присоединиться к вашему завтраку? – почти без спроса сказала она, грациозно вклинившись в моё личное пространство.

Сказать «нет» означало бы ещё больше лишних разговоров, поэтому я коротко кивнул слуге, чтобы нам подали еду, надеясь, что пища отвлечёт её от непрерывного потока болтовни.

Но стоило нам сесть за стол, как Лирейн возобновила свой восторженный монолог, восхваляя каждый мой жест, каждую деталь моего камзола и даже цвет моих глаз. Она взахлёб рассказывала о своих любимых платьях, модных салонах, интригах среди графских дам, о прелестях городской жизни и скуке загородной. Её голос становился всё выше и пронзительнее, и вскоре я начал ловить себя на мысли, что завидую покойной сестре этой невыносимой болтушки.

Откинувшись на спинку кресла и с трудом подавив желание немедленно выставить навязчивую невесту за дверь, я с равнодушным видом слушал её восторженный и непрерывный лепет, сопровождающий завтрак в малом приёмном зале. Каждое её слово, произнесённое с визгливой экспрессивностью, действовало на нервы подобно гвоздю, царапающему по стеклу. Впрочем, девушка не замечала моего раздражения и щебетала так усердно, будто старалась заговорить меня до смерти.

Наконец, выдержав с трудом этот словесный водопад, я сухо предложил ей удалиться и подготовиться к церемонии, сославшись на дела, не терпящие отлагательства. Когда двери за ней с милосердием захлопнулись, я облегчённо выдохнул и поднялся из-за стола.

В ожидании начала церемонии я отправился в кабинет, намереваясь скоротать оставшееся время за изучением накопившихся бумаг, в которых давно уже не находил ничего, кроме скуки и раздражения.

Однако едва я успел погрузиться в первые строки, как тишина за дверью нарушилась сдержанным, раздражающе тихим шёпотом, словно кто-то неудачно пытался заглушить пискливое скрипение двери.

– ...бедняжка... леди Иветта...

– Да какая бедняжка?! – уже в полный голос отозвалась ее собеседница. – Я сама видела её! Страшная, как смерть. Одним взглядом чуть не убила меня.

Меня словно окатило ледяной водой, и я резко, с грохотом, распахнул дверь, мгновенно оказавшись перед двумя служанками, которые, едва не выронив вёдра с водой, замерли, вытаращив глаза, точно увидели самого воплощённого ужаса из ночных кошмаров.

Одну из них я в лицо не помнил, видимо, прибыла с процессией графа.

Хозяйка яблоневого сада, или Не подавитесь, милорд!

Ирина Андреева, Эллу Лотри

Аннотация к книге "Хозяйка яблоневого сада, или Не подавитесь, милорд!"

Я попала в тело несчастной невесты и сбежала со свадьбы от жестокого жениха и алчных родственников. Буду строить свою жизнь сама! И пусть к случайному наследству в виде домика и яблоневого сада прилагается вредное приведение, я справлюсь и стану счастливой. Только бы мне не мешал очень красивый и дерзкий дракон.

<https://litnet.com/shrt/lIWg>

Свадьба отменяется

– Больно уж вы интересные беседы ведете, что не могу сдержаться и не вмешаться, – процедил я, вкладывая в голос всю доступную мне степень ледяного презрения, и шагнул ближе, пронзительно вглядываясь в их лица, побледневшие до состояния бумаги. – И как, позвольте узнать, мне следует понимать этот ваш занимательный разговор?

– Простите нас, ваше сиятельство! Мы не хотели... просто болтали... – едва слышно пролепетала одна, уставившись в пол и теребя край передника.

– Я разве просил у вас извинений? – прервал я её лепет. – Мне нужны объяснения. Желательно подробные.

Служанки, охваченные паникой, затараторили разом, мешая друг другу, выдавая детали и нелепые слухи. Сбитые с толку, они путались в словах, но постепенно картина прояснилась: старшая дочь графа Дарнел, та самая Иветта, которую я полагал усопшей, оказалась вполне живой, но по непонятным причинам сосланной в неизвестном направлении. О чем, собственно, поставить в известность меня не удосужились.

Мне, конечно, было плевать, кого брать из дочерей графа Дарнел в жены. Однако, водить себя за нос я никому не позволю.

– Довольно, – отрезал я, жестом приказывая им умолкнуть. – Исчезните с глаз моих, и если хоть слово об этом выйдет за пределы замка, сильно пожалеете.

Они растворились в воздухе с быстротой, достойной лучших иллюзионистов королевства, оставив меня в странном состоянии. Сам того не желая, я ощутил непривычное любопытство, зародившееся где-то на самом дне моей холодной души и начинающее упорно меня раздражать. Чёрт побери, когда я вообще последний раз испытывал нечто подобное?

Я вызвал Оуэна и коротко бросил ему:

– Выясни, куда именно сослали старшую дочь графа Дарнел. Мне нужны подробности, и чтобы быстро. Чем больше, тем лучше.

Управляющий, прослуживший под моим началом уже довольно долго, в удивлении уставился на меня, словно видел впервые, даже позабыв о привычной маске испуга. Уж не знаю, что его так подивило в моих словах, но придавать этому значения я не стал.

Не получив более распоряжений, Оуэн удалились, оставив меня наедине с новой, совершенно ненужной, но тем не менее неожиданно притягательной интригой.

Минуты текли медленно, словно застывшая смола. Я уже начинал думать, что моему человеку проще было добраться до соседнего королевства, чем до земель графа Дарнел, как, наконец, он вернулся — взволнованный, помятый и явно потрясённый услышанным.

– Ваше сиятельство, я разузнал всё, как вы и приказывали. Несколько дней назад леди Иветта действительно считалась... трагически ушедшей. Но в самый разгар похорон, на глаза множества людей она... ожила. И никто не знает почему. Однако вы о избежания того, чтобы юную девушку обвинили в колдовстве, граф Дарнел отправил ее с глаз долой, из-за чего на свадьбу и явилась ее младшая сестра — Лирейн.

От упоминания последней у меня тут же разболелась голова, поэтому я попытался перевести тему в более безопасное для своего здоровья русло.

– Мне необходимо конкретное место. Куда сослали старшую?

– В лавку проклятых вещей, что на самой границе ваших владений. Деревенские жители боятся её до смерти, поговаривают, что она якшается с нечистой силой и чуть ли не демонов призывает.

– Любопытно, – процедил я сквозь зубы, позволив себе саркастическую ухмылку. – Надо же, графская дочь и вдруг — ведьма. Как банально. Что-нибудь ещё?

Оуэн нервно переступил с ноги на ногу и, поклонившись, осторожно добавил:

– Люди всякое болтают, ваше сиятельство, но одно можно сказать наверняка — леди Иветта жива, и даже, как утверждают, весьма деятельна.

Последние слова неожиданно кольнули меня, пробуждая внутри едва уловимую, но необычайно живучую искру интереса. Как странно и в то же время интригующе: нежная, запуганная девица с портрета вдруг превратилась в деревенское пугало с магическими наклонностями. Невольно на моих губах заиграла улыбка.

– Что ж, это меняет дело, – произнёс я холодно и отчётливо, словно ставя подпись под приговором. – Свадьба отменяется.

Хозяйка проклятого отеля, или дознавателям комнаты не сдаём!

Таня Денисова

Аннотация к книге "Хозяйка проклятого отеля, или дознавателям комнаты не сдаём!"

Я оказалась в другом мире, и не успела прийти в себя, как получила во владение целый отель. И я бы радовалась, ведь в моём мире мне не доверили даже роль администратора гостиницы, да выяснилось, что отель проклят. И у меня два варианта: снять проклятие или передать его другому "счастливчику"

<https://litnet.com/shrt/l12c>

Пора навестить несостоявшуюся невесту!

Мои слова поверили управляющего в еще больший шок. Оуэн едва заметно вздрогнул, поклонился еще ниже и, кажется, едва не подавился слюной, когда отвечал:

– Как прикажете, ваше сиятельство.

Я медленно отвернулся к окну, глядя, как свет играет на стекле, будто пытаюсь уговорить меня на благородный поступок. Увы, это было не про меня.

– И да, Оуэн, – бросил я, не оборачиваясь. – Не объявляй об этом пока. Пусть готовятся, волнуются. Я сам скажу, когда будет нужно. Они еще пожалеют, что решили обманом подсушить мне не ту невесту.

Управляющий, потрясённый, как канарейка после грозы, согласно кивнул и поспешно вышел, будто за ним гнались тени всех герцогов моего рода.

Оставшись один, я вновь опустился в кресло и отодвинул в сторону всё, что напоминало о церемонии: бланки с именами гостей, список подношений, букеты и ленточки – как будто это был не замок, а парикмахерская перед большим визитом.

На столе остались только дела герцогства: контракты, приказы, донесения из пограничных деревень и списки продовольствия. Всё то, что действительно имело значение. Это было единственное, чему я доверял, — не людям, не семейным союзам, не попыткам снять проклятье, а чётким, понятным системам, где за каждой цифрой стояло действие, за каждым документом — логика.

Я принялся за работу с тем вниманием, которое не удавалось выжать ни из одного светского разговора. Цифры, графы, подписи... Это успокаивало. Мир, который хотя бы делал вид, что в нём есть порядок.

Обед я велел принести в кабинет. Выйти в зал и снова слышать визгливую болтовню Лирейн? Нет уж. Пусть репетирует свою безупречную улыбку перед зеркалом. Возможно, оно её в этом поддержит.

А я пока продолжал работать, ощущая странное, вязкое напряжение в груди. Нечто, напоминающее любопытство... нет, не чувство — тень чувства, отблеск того, что, как мне всю жизнь твердили, мне недоступно. Оно зудело где-то под кожей, как заноза, которую не вытянуть — можно только притвориться, что не замечаешь.

Тем временем за окнами, окрашенными алым маревом заката, солнечный диск медленно скользил за горизонт. Оставаться в кабинете дольше не имело смысла.

Я поднялся и направился в главный зал, где толпилась публика — разряженная, душная, лицемерно взволнованная.

Меня встретило одуряющее смешение ароматов духов, дорогих вин и претензии на благородство. Все эти знатные особы, обтянутые шёлками и глупым самомнением, уставились на меня с такой жадной одобрения, что мне захотелось вытащить меч и перерезать атмосферу, как чересчур плотную завесу.

Посередине зала блистала Лирейн. Она стояла на фоне цветочных арок, будто дорогое украшение, заказанное по каталогу. На ней было платье цвета взбитых сливок с кружевной отделкой и жемчужными подвесками, которые угрожающе качались при каждом вдохе. Лицо сияло искусной улыбкой: блестящие глаза, намётанные ресницы, надутые губки.

Рядом кто-то восторженно ахнул. Кто-то ещё даже похлопал — то ли ей, то ли нервно по коленке.

– Вы наконец-то пришли, Ваше Светлей... – начала она, жеманно наклонив голову, словно собиралась прядями волос вымести у меня перед ногами ковёр.

– Довольно, – оборвал я её, как щелчком заглушают надоевшую мелодию.

В зале воцарилась звенящая тишина. Несколько гостей, явно не ожидавших такой интриги, умудрились одновременно поперхнуться легким вином, и в воздухе повисло некое коллективное «что сейчас было?». Пожилой маркиз у колонны неловко хмыкнул, кто-то в углу уронил бокал, а дама в лавандовом вслух охнула и осенила себя крестом.

Некоторые начали переглядываться, явно отметив, что я не в церемониальном камзоле, не в вышитом плаще, не в праздничных перчатках, а в обычном (по моим меркам) костюме. Без особых знаков, но с особым выражением на лице, которое предвещало бурю.

– Дамы и господа, – произнёс я, отчеканивая слова так, чтобы каждый ощутил их хрупким стеклом по нервам, – вынужден сообщить: сегодняшняя церемония не состоится. Расходитесь.

Слова повисли в воздухе и обрушились на присутствующих, как камень в спокойную воду. Несколько гостей подались вперёд, будто не расслышали. Один молодой барон тихо прошептал «что?» и оглянулся, как будто надеялся, что это — розыгрыш. Шутка. Спектакль. Всё что угодно, только не правда.

Лирейн застыла. Её лицо — идеально припудренное, вылепленное, натренированное — пошло трещинами, как фарфор при ударе. Глаза округлились, губы задрожали, плечи вздргнулись. А потом случился взрыв.

– Что?! Вы не смеете так поступать со мной! Я... я приехала к вам! Мой папа составил с вами договор! Вы не можете! – её голос взвился до частоты, способной разбивать бокалы. И, кажется, один действительно треснул.

Я медленно повернулся к ней, сдерживая зевоту не из вежливости, а потому что он показался бы слишком доброжелательной реакцией.

– Дорогая, ты переоцениваешь значение своего приезда, – процедил я с ледяной, ленивой усмешкой, в которой не было ни одной ноты сочувствия. – Я ничего тебе не должен. Ни тебе, ни твоему отцу. Возвращайся в своё милое графство и передай графу Дарнел, что мне нужна моя истинная невеста, а не вторая дочь, подsunутая вместо первой. Иначе... скажем так, ты и твоя семья лишится своих земель. Давно думал о расширении своей территории.

Зал ахнул. Кто-то уронил веер. Кто-то другой, особо впечатлительный, кажется, потерял сознание. А я наслаждался этой тишиной — оглушительной, с привкусом грядущего хаоса.

Но участвовать дальше в этом спектакле я не собирался. Резко развернувшись, я покинул зал, игнорируя за спиной поток ругательств и всхлипов, исходивших от отвергнутой девицы.

Однако с каждым шагом моя привычная холодность странным образом отступала, сменяясь острой и почти ядовитой заинтересованностью. Я не мог избавиться от назойливой мысли о том, что изнеженная, воспитанная в шёлках и кружеве графская дочь сейчас вынуждена справляться с тяжёлой и грязной жизнью в проклятой лавке, полной магических диковинок и сомнительных соседей. Что она вообще могла противопоставить такой участи? Мои губы скривились в презрительной улыбке — наверняка бедняжка даже не умеет зажечь огонь, не говоря уже о том, чтобы выживать среди чертовщины.

– Оуэн! – бросил я, прекрасно зная, что управляющий следует за мной тенью.

– Да, ваша милость? – ожидаемо отреагировал он.

– Подготовь моего коня. Хочу навестить свою несостоявшуюся невесту.

Я сам не понимал, почему изъявил подобное желание. А уж стоит ли говорить о том, что в это время чувствовал выбитый из колеи управляющий. Хотя, судя по тому, как он быстро взял себя в руки и принялся выполнять поручение, видимо, он воспринял мое стремление покинуть замок слегка иначе.

Все же разбираться с недовольством гостей и той крикливой девчонки, придется ему.

Я вновь улыбнулся. А день-то начинает мне нравиться.

Кузница попаданки. Скованная проклятием

Анна Дрэйк

Аннотация к книге "Кузница попаданки. Скованная проклятием"

Меня занесло не в замок дракона и не в магическую академию, а в проклятую деревню, окутанную туманом. Никто из местных не может выйти — единственный шанс снять проклятие: восстановить старую кузницу и заставить гоблинов работать. Проблема — гоблины лентяй, а жители их боятся.
 Но я — учительница. После подростков меня гоблины не пугают. Придётся брать всё в свои руки.
 И даже если в деревню зачастил надоедливый тёмный маг, я с этим тоже разберусь.

 Снять проклятие? Легко, если знаешь, как организовать даже гоблинов!

<https://litnet.com/shrt/llxc>

Иветт против грибов

Ночь прошла под эгидой апокалипсиса локального масштаба.

После тотального потопа и шляпастого переворота я, подобно выжившему в осаде алхимику, принялась восстанавливать хоть какую-то видимость порядка. Гардероб мой был не просто разграблен — он пережил моральное унижение. Одежда, ранее мечтавшая блистать на балу, теперь походила на военнопленных: смятая, порванная, с обвисшими рукавами, валялась по полу, как подстреленные флажки. Сам пол, между прочим, напоминал характер выскочки-аристократа — скользкий, холодный и полный подвохов.

Единственное уцелевшее платье — на мне. То самое, розовое, заметно запылившиеся за довольно тяжелый и напряженный день. Еще и подол намок, пока гонялась за грибоотрядом.

Решив выстирать его и походить в исподнем (чего стыдиться проклятых вещей и существ?), отжимала юбку с выражением лица, достойным ведьмы, кипятящей зелье для предателей, и вполголоса нашептывала ругательства на трёх мёртвых языках, за что спасибо лингвистическому образованию.

Грибы тем временем стояли, выстроившись в шеренгу, с видом тех, кто уже и покаялся, и надёжно сохранил копию улики. Любитель бананов, слегка съехавший набок и обмотанный ниткой, похожей на пояс, робко поинтересовался, не собираюсь ли я отправить их всех в печь. Я, не задумываясь, ответила, что не только отправлю, но и натру чесночным маслом для аромата.

После недолгих переговоров, сопровождаемых подозрительным шушуканьем философа и рыданиями самого мелкого гриба (он клялся, что вообще был не при делах, а просто «проходил мимо чернильницы»), мы заключили перемирие. Условия были просты и элегантны: я даю им печенье — они ведут себя как приличные спороносящие организмы. Печенье у меня, к счастью, теперь было. Договор был скреплён торжественным хрустом.

Спать мне довелось на предмете, который раньше, возможно, числился матрасом, но ныне напоминал скорее древнюю доску из зала пыток — плоский, жёсткий и источающий аромат, способный победить даже магический дезодорант. Простыня, которую я соорудила из полотенца, держалась из последних нитей достоинства.

И всё бы ничего, если бы ближе к полуночи один из грибов не сорвался с полки, утянув за собой половину моих нервов и выдав истошный вопль:

– ОНИ ИДУТ!

Кто «они» — осталось тайной. Впрочем, с учётом контекста, я решила не спрашивать. Иногда лучше не знать: сон, хоть и беспокойный, всё же дороже лишнего знания о возможных полчищах невидимых врагов.

А потому, когда утро наконец разжало зубы ночной темноты, оно встретило меня с тем изяществом, с каким обычно встречают неожиданную налоговую проверку — резко, больно и с холодным презрением.

Я проснулась разбитая до состояния фарфоровой куклы после землетрясения. Казалось, ночь решила меня не просто не утешить, а методично пережёвывала, взвешивая на зуб, и, не найдя во мне вкуса, брезгливо выплюнула обратно в реальность.

Поняв, что выбора всё равно нет, я на автомате влезла в проклятое розовое платье — это воплощение всего, что пошло не так в моей жизни. Оно уже окончательно ассоциировалось у меня с провалом, скомканными надеждами и, возможно, проказами стихий низшего порядка.

Шатаясь, как корабль во время шторма, я вышла из комнаты... и тут же поскользнулась, отплясав нечто среднее между вальсом и подкатом. Под ногами растеклась отвратительно блестящая жижа, как выяснилось — гибрид воды и густых чернил, слившихся в союз, прямо скажем, зловещий.

– ВСЁ! – возопила я с отчаянной яростью брошенной мужчиной девицы. – Сегодня кто-нибудь из вас определённо пойдёт в пирог. С хрустящей корочкой. Под соусом из мести!

Началась паника. Грибы с воплями бросились в рассыпную, изображая массовую эвакуацию. Один из них юркнул под буфет и, задыхаясь от страха, завопил:

– Я имею право на королевскую апелляцию! И на одно письмо!

Другой, весьма изобретательный, натянул на себя мой чулок и, гордо приосанившись, провозгласил:

– Я в дипломатическом иммунитете! Отныне именуйте меня — консул тапочек!

Игнорируя этот цирк, я направилась к плите, решив, что хотя бы завтрак может принести не иллюзию, а крошечную толику комфорта. Картошка, нарезанная грубовато, как судьба, репчатый лук и яйцо — это всё, что я успела соорудить из вчерашних продуктовых трофеев.

Но, о чудо — пища оказалась тёплой, съедобной и, в отличие от некоторых обитателей дома, не пыталась сбежать с тарелки. И этого, подумала я, сегодня вполне достаточно, чтобы счесть утро успешным.

После завтрака философ, видимо, вдохновлённый ароматом жареного лука и ощущением собственной значимости, внезапно проникся экзистенциальным порывом. Он молча проковылял к запертому нижнему ящику, тяжело вздохнул, как будто на нём покоились страдания всего грибного рода, и торжественно провозгласил:

– Мне необходима истина. Желательно — вещественная.

С этими словами он ловко вскрыл защёлку, которую я, между прочим, считала надёжной, и с величайшим благоговением извлёк наружу... не истину, конечно, а что-то куда более подозрительное.

Это был канделябр. Старый, массивный, увесистый. По бокам его ползли облупленные, криво выгравированные символы, отдалённо напоминающие руны, а может — каракули одержимого скукой мага. Предмет источал такое количество пыльной таинственности, что я невольно потянулась к нему.

– Он хотя бы светится? – спросила я, поднимая реликвию и уже предчувствуя разочарование.

– Нет, но имеет довольно занятную эрудированность, – с мрачным достоинством отозвался философ. – И, смею заметить, исключительно занудную.

Не успела я как следует осмыслить его слова, как канделябр заскрежетал, издал жалобный металлический всхлип — и заговорил.

Монотонным, убаюкивающим голосом, похожим на тот, что слышишь на лекциях, куда приходишь только ради зачёта. Причём тема — соответствующая: «Фауна и флора болотных низин в контексте цивилизации». Он произносил слова так медленно, словно вытягивал их из затопленного подвала, в котором каждое предложение прежде утонуло.

Я поймала себя на том, что начала клевать носом, стоя прямо у прилавка.

– Это... это же снотворное, воплощённое в бронзе, – прошептала я, исподлобья глядя на канделябр с почтением, которое обычно питают к валерьянке.

– Его зовут Кротон, – внезапно заявил любитель бананов, гордо уперев ручки в бока. – Я так решил. У него тут завитушка — один в один морда крота, которому старая карга нас хотела скормить.

Незаметно покосилась на остальных из грибного отряда, отмечая их кислые выражения лица и призадумалась. Что если их непоседливый характер — следствие воспитания той невежественной дородной женщины? Тогда бы это все объясняло.

Мне даже стало как-то жаль эти ребята.

– Пусть будет Кротон, – согласилась я, с тем же фатализмом, с каким соглашались на наследство в виде разваливающегося замка. – Только не трогай его больше. Иначе заснёшь прямо стоя и снова вывалишься в коробку с огурцами.

Поставив Кротона на полку в секцию «возможно проклято, но в хозяйстве пригодится», я взяла тряпку и вернулась к уборке — решив, что если это место не уберётся, то хотя бы будет аккуратно проклято.

Чужая истинная, или Проклятая лавка Попаданки

Лилиан Уайт

Аннотация к книге "Чужая истинная, или Проклятая лавка Попаданки"

"Истинным не изменяют"?
 Мой муж доказал обратное!
 Я сбежала в глушь, чтобы забыть его, но жизнь и тут подкинула мне сюрпризы.
 Теперь я хозяйка проклятой лавки и, если хочу спокойной жизни, то вынуждена помогать местным жителям.
 А в довершение меня преследует наглый дракон, который решил, что я его истинная.
 Ну нет, это я уже проходила.

<https://litnet.com/shrt/l9yz>

Первая продажа!

Часов в лавке, разумеется, не водилось — они либо ломались под весом здешней ауры, либо начинали вести себя странно. Поэтому ориентироваться приходилось по солнцу, которое, судя по его крадущейся позиции на крыше соседского сарая, было занято важным делом: тащило утро к полудню.

Я стояла у витрины, вооружённая тряпкой и самым непробиваемым выражением лица, какое только можно натянуть с утра, стараясь стереть с неё налёт — вековой пыли, лёгкого презрения и густого слоя «и что я тут делаю вообще». Стекло поскрипывало, словно возражало против внезапной гигиены.

И тут — тот самый скрип двери. Но не обычный — неуверенный, как будто петли в нерешительности переглянулись и подумали: «Точно стоит впускать?» Скрип был вежлив, почти извиняющийся. Будто бы сама дверь не была уверена, что тот, кто стоит за ней, достоин войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.